

ЭММА СКОТТ

СТАНЬ МОИМ ЗАВТРА

18+

Ты – всё, что мне нужно. И даже больше...

Эмма Скотт
Стань моим завтра
Серия «Freedom. Романтическая
проза ЭММЫ СКОТТ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65071206
Стань моим завтра: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-112142-6

Аннотация

ЗЕЛЬДА

Десять лет назад похитили мою младшую сестру. Ее не удалось спасти.

Я никогда не плакала. Но изливала боль в своем графическом романе.

Моя героиня гналась за похитителями детей, чтобы помешать им исполнить свой замысел.

Когда все стало хуже некуда, я познакомилась с Бекеттом.

Его сердце было добрым, но душа тонула во мраке собственного прошлого.

Он чувствовал вину, как и я.

БЕКЕТТ

Я покончил с будущим, когда пошел на то преступление, совершив адскую глупость.

Мой путь не был устлан розами. Я был беден и отчаян.

В мире столько грязи, что, когда находишь свет, тянешься к нему изо всех сил.

Зельда была именно такой. Красивая, творческая, с зелеными глазами.

Мы все совершаем ошибки. Но есть те, которые исправить уже нельзя.

Я не могу и не хочу портить ей жизнь.

Сожаление разъедало ее сердце, не давая шанса на искупление.

Чувство вины сжигало его изнутри, словно пожар.

Смогут ли они обрести силы, чтобы жить дальше?

Содержание

Благодарности	6
Плей-лист	8
Посвящение	9
Часть I	10
1. Зельда	12
2. Зельда	24
3. Бекетт	53
4. Зельда	75
5. Бекетт	105
6. Зельда	117
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Эмма Скотт

Стань моим завтра

Emma Scott

The Butterfly Project

Copyright © 2017 by Emma Scott

© Федотова А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Благодарности

Эта книга появилась благодаря любви, помощи и поддержке Мелиссы Панио-Пэтерсэн, Робина Рини Хилла, Джой Кребель-Садовски, Анджелы Бонни Шокли, Сары Торпи, Хиларии Элигзэндэр, К. Лэрсэн, Эммы Адамс, Ноэми Элуан, Билла ХэIRSTОНА, Кристофера Стюарта, Кэтлин Рипли и Джениффер Бэллоу, а также всех без исключения участников объединения «Соратники Эммы». Вы никогда не перестаете меня удивлять! Вы оказываете мне такую невероятную, беспрестанную, теплую и вдохновенную поддержку, что меня переполняет благодарность.

Блогеры и читатели... Где бы я была без вас? Каждый раз, когда выходит моя новая книга, я снова и снова наблюдаю щедрость блогерского сообщества: армия волонтеров читает мой роман, пишет обзоры и рекламирует его исключительно из любви к литературе. Я так благодарна вам всем за то, что вы делаете для меня и для каждого писателя, который хочет, чтобы его голос был услышан.

Мелисса Панио-Пэтерсэн, ты – гораздо больше, чем моя правая рука. Ты – потрясающая художница, графический дизайнер и одна из самых заботливых и добрых женщин, (и с прекраснейшим чувством юмора в придачу) которых я только знаю. Я хочу стать тобой, когда вырасту. Посылаю тебе свои благодарность и любовь.

Сюзанна Лакер... Это уже четвертая моя книга, которой коснулся твой редакторский талант, и на протяжении всех четырех я обещала, что буду сдавать рукописи вовремя и что тебя не ждет никаких безумных дедлайнов. В каждом из четырех случаев все было ровно наоборот, но ты неизменно относилась к ситуации с юмором и любовью и никогда не жалела для меня сальных шуточек. Пусть всегда будем мы.

Плей-лист

21 Pilots – «Heathens»

Journey – «Don't Stop Believing»

Frank Sinatra – «My Way»

Prince – «Purple Rain»

Blondie – «One Way or Another»

Chicago – «You're the Inspiration»

Frank Sinatra – «I'll Be Home for Christmas»

Wonderwall – «Oasis»

Fitz and The Tantrums – «HandClap»

Rag'n'Bone Man – «Human»

The Cinematic Orchestra – «Man To Build a Home»

Посвящение

*Посвящается Робину, который для меня словно
луч прожектора среди тумана.*

*Пусть время от времени я сходила со своего пути
и бессмысленно бродила в пустоте, но благодаря
тебе я никогда по-настоящему не терялась.*

Часть I

«В мести моей таится вина».
Овидий «Метаморфозы»

ПРОСИ.

МАМА, МОЖНО...?

Автор:
Зельда
Росси

МАМА,
М-МОЖНО.
ТЫ ОСТАВИШЬ
МЕНЯ В ЖИВЫХ?

-ЩЕК-

НЕТ.

БАХ! БАХ!

1. Зельда

29 ноября

– Нет души, – прошептала я в воротник пальто.

Порыв ледяного ветра пронесся по людной нью-йоркской улице, растрепав мои длинные черные волосы и сорвав слова с моих губ. В глазах щипало, но только из-за ветра. Я никогда не плакала. Никогда. Даже после того, как мою работу отвергли три крупнейших издательства графических романов в Манхэттене. Мои глаза слезились из-за ветра.

Три отказа за два дня. Главные редакторы каждого из издательств слились в моей памяти в единый образ напыщенного гада, который безразлично приподнимал брови, разглядывая мою работу. Он был слегка впечатлен, но этого оказалось недостаточно.

– Интересная идея и отличная рисовка. Но... мы не возьмем.

Тем не менее в третьем отказе теплился крохотный лучик надежды. Редактор моим предложением не заинтересовался, но, когда встреча подошла к концу, меня отвела в сторону его ассистентка. Темноволосая Айрис Ганновер казалась немногим старше моих двадцати четырех лет. Ее губы были накрашены красной помадой, а глаза жестко смотрели на меня сквозь стекла стильных очков. Жестко, но не злобно. Как будто она меня оценивала.

– Еще даже не декабрь, а у всех уже праздники на уме, – сказала Айрис. – Если вы сможете внести исправления и принести мне раскадровку в течение пары недель, я прослежу, чтобы редактор взглянул на нее еще раз.

– Какие исправления? – уточнила я.

– У вас есть потенциал. – Айрис постучала по моему портфолио. – Рисовка прекрасная, но в самой истории не хватает накала. Экспозиция хороша, но в ней не бьется пульс. В ней нет души. Найдите душу.

– Нет души, – прошептала я еще раз.

Яростно заморгав, я перевела взгляд на поток машин, который двигался на север по Шестой авеню. Все вокруг было серым. Небо, тротуар, здания. Монотонный городской пейзаж, набросанный углем и черными чернилами, с желтыми пятнами такси – единственной деталью, о которой вспомнил колорист. Прохожие, натянувшие на уши шапки и закутанные в шарфы, толкали меня локтями. Они шли мимо быстрой, уверенной походкой. В отличие от меня они знали, куда направляются и что готовит им будущее.

Я крепче вцепилась в свое портфолио. В нем лежало само мое сердце. Макет моего графического романа «Мама, можно...?».

Но в нем нет души.

Я могла признать, что он не был ни сентиментальным, ни эмоциональным. Никакой слезливой романтики. Только насилие и стремительный сюжет. Это была антиутопия с путе-

шествиями во времени, полная крови и мести. Моя героиня охотилась за педофилами и похитителями детей, чтобы помешать им исполнить свой замысел и убить их. Так она пыталась спасти свою душу от чувства вины и сожалений, с которыми она жила после гибели собственного ребенка. Рядом с ней не было рыцаря в сияющих доспехах, готового сделать это за нее.

Разве не такого желали читатели? Разве им не хотелось увидеть новую Джессику Джонс или Черную Вдову? Сильную героиню, которая надирает злодеям задницы и не нуждается в том, чтобы ее спасал мужчина?

Нет, они желают душу. Удачи им с этой фигней. Мою душу вырвали из меня десять лет назад, когда однажды летним днем мою девятилетнюю сестру Розмари похитили из продуктового магазина в Филадельфии. Это кошмарное действие развернулось между полок с хлопьями и супами. Оно происходило у меня на глазах, но я ничего не смогла сделать. Я подвела ее, и с тех самых пор чувство вины съедало меня изнутри, словно злокачественная опухоль. Графический роман «Мама, можно...?» родился из этой адской боли.

Если бы я не рисовала, то сошла бы с ума.

Айрис, ассистентка издательства «БлэкСтар», хотела, чтобы я принесла ей исправленную раскадровку через пару недель. Но я понятия не имела, как найти душу для своей истории, да и работать над этим мне было негде. За последние три дня еда, плата за такси и аренда комнаты в омерзитель-

ном молодежном хостеле сожрали мои накопления, словно полчище саранчи. Я могла вернуться в Вегас, но это было все равно что расписаться в своем поражении.

Мне нужно было спокойное место, где я могла бы спокойно все обдумать. Угол Шестой авеню, на котором я стояла, таковым не являлся. Я провела рукавом по слезящимся глазам – дурацкий ветер – и подошла к краю тротуара, приподняв руку, чтобы остановить такси. А потом вспомнила о своих тающих на глазах финансах.

«Больше никаких такси, мисс Богачка», – мысленно прикрикнула я на себя. Мне предстояло набраться храбрости, чтобы спуститься в метро, либо попытаться разобраться с тем, как тут ходят автобусы.

Я перешла через дорогу и спустилась в метро. От Среднего Манхэттена до хостела, расположенного недалеко от Портового управления, ехать было недолго. Выйдя из метро, я зашагала по людной улице, вдоль которой располагались магазины для взрослых, табачные магазинчики и конторы, занимающиеся поручительством под залог.

Хостел «Парксайд» находился вовсе не возле парка, а над крошечным сувенирным магазинчиком, где продавались дешевые вещицы с атрибутикой Нью-Йорка: толстовки, снежные шары, брелоки и копилки со статуей Свободы.

Когда три дня назад я вышла из такси и оказалась здесь впервые, все эти безделушки развеселили меня. Будучи наивной дурочкой, я купила безвкусную открытку, верхнюю

часть которой украшала кричащая надпись: «В “Большом яблоке” меня ждет успех!». Она выглядела просто кошмарно, так что я собиралась отправить ее Тео после того, как один из издателей предложит мне контракт. Тео был моим другом и начальником тату-салона, где я работала, когда жила в Вегасе. Я знала, что эта открытка его рассмешит.

Стоило мне сделать два шага по обветшалому фойе, выложенному грязной плиткой и с мигающими флуоресцентными лампами на потолке, как сверху до меня начали доноситься громкие разговоры, крики и грохочущая музыка. Здесь было непросто даже заснуть, не говоря уже о том, чтобы работать.

В первую ночь в хостеле «Парксайд» соседки у меня не было. Я провела несколько долгих часов, как Том Хэнкс в фильме «Большой»: придвинув старенький комод к двери и свернувшись калачиком на кровати. Я пыталась сжаться в комок, наблюдая за тараканом, бежавшим по половице вдоль стены. Мне было страшно до жути.

Но я не плакала.

Я открыла ключом дверь своей комнаты. Яркая красно-желтая открытка, которую я купила для Тео, первой бросилась мне в глаза. А потом я увидела, что вся одежда, которую я привезла с собой в Нью-Йорк, за исключением той, что была на мне, валялась на полу вместе с компактными баночками шампуня, мыла и лосьона – даже коробочка противозачаточных таблеток не стала исключением. В комнате

было четыре шкафчика, запиравшихся на ключ. Дверь моего оказалась погнутой и висела на одной петле. На вторую ночь моего пребывания в хостеле в комнату ворвалась девушка, пробормотала свое имя – Джейн – и бросила на вторую кровать потрепанный спальный мешок. Потом она засунула в шкафчик синюю дорожную сумку и быстрым шагом вышла из комнаты. Больше я ее не видела.

А теперь пропали и все ее вещи.

– Что за черт?..

У меня заколотилось сердце. Я вылетела из комнаты и сбегала по ступенькам к стойке регистрации, которая больше напоминала пропускной пункт в метро. Я дрожащей рукой постучала по оргстеклу, чтобы привлечь внимание администратора. Это был лысеющий мужчина с пивным животом и скужающим выражением лица. Он листал эротический журнал, покуривая миниатюрную сигару, дым от которой заполнял кабинку и просачивался сквозь круглое отверстие в нижней части стекла.

– Моя комната... – выдохнула я. – В мою комнату кто-то вломился. Мою сумку обшарили. Соседки нет и ее вещей тоже. Может быть, это она сделала?

Не знаю, на что я рассчитывала – возможно, на то, что администратор будет так же шокирован и возмущен, как и я. Или на то, что эта ситуация его хоть как-то беспокоит. Но мужчина всего лишь тяжело вздохнул и бросил журнал на столик.

– Господи. Ты что, забыла закрыть чертов шкафчик на ключ?

Я устала на него.

– Что?.. Нет. Конечно, не забыла, – произнесла я, чувствуя, как ярость потихоньку выжигает из меня страх. – Я заперла чертову дверь, только вот ее кто-то оторвал!

– Вот дерьмо, – проговорил он. – У тебя что-то украли?

– Не знаю. Я запаниковала. Ничего там не разглядывала, сразу побежала сюда.

Я успела наделать немало глупостей с тех пор, как приехала сюда, но на то, чтобы не оставлять деньги в хостеле, мне ума хватило. Я хранила остаток финансов в кошельке, который прикрепила к петле ремня и засунула под свои черные брюки. Ноутбук я носила на собеседование с собой – вместе со своим портфолио. Кроме него у меня была только одна ценность – мои художественные принадлежности...

О боже.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица – словно я была скетчем, с которого разом стерли все краски.

– Только не это... Черт, нет-нет-нет!

Охваченная паникой, я взбежала вверх по ступеням. Краем сознания я понимала, что администратор тяжело плетется следом за мной. Оказавшись в комнате, я начала рыться в своих вещах. Меня мутило от мысли о том, что какой-то незнакомый человек трогал мою одежду руками. Трогал *мое* белье. Но на нее вор не покусился. Хотя чего-то стоили толь-

ко мое двубортное пальто и сапоги, но и то, и другое было сейчас на мне. Но все мои принадлежности для рисования исчезли. Складывающийся переносной столик, ручки и карандаши, скетчбук фирмы «Кансон»...

Зачем? Почему кто-то решил украсть ручки и бумагу?

Потому что они были высшего качества. Мое самое ценное имущество. Инструменты, с помощью которых я создавала свои рисунки. Я словно лишилась пальцев на руке.

– Что-то украли?

– Все, – проговорила я. Желудок сжался так сильно, что я едва могла дышать. – У меня украли абсолютно все.

Администратор недоверчиво хмыкнул.

– По виду комнаты не скажешь. Твои вещи тут повсюду разбросаны.

Все кончено. Вообще все.

Я сглотнула, чтобы не расплакаться, и начала собирать свои вещи в одну кучу.

– Вы вызовете полицию? – спросила я себе под нос, поднимая одежду с пола. – Или все гости вашего хостела имеют свободный доступ к личному имуществу друг друга?

Я замерла и снова оглядела комнату.

– Подождите. Чемодан. Где, мать вашу, мой чемодан?

От новенького черного чемодана на колесиках, подаренного мне одной из соседок в честь отъезда из Лос-Анджелеса, не осталось и следа.

– Его тоже забрали, – произнесла я. – Они взяли мой че-

модан и предметы для рисования.

Я обернулась и уставилась на администратора злым взглядом.

– Хотя нет, не они. *Она*. Девушка, которую вы ко мне под-
селили. Это же явно она сделала, да?

– Похоже на то.

Администратор вздохнул и достал из кармана смартфон.

Тридцать минут спустя прибыли двое полицейских. Я ждала в фойе, положив на колени черный мусорный пакет, в котором лежали все оставшиеся у меня вещи. Копы взяли у меня показания и пошли обыскивать другие комнаты, но ничего не нашли.

– Девушка подписалась именем Джейн А. Ф. Рист, – сказал администратор. – А. Ф. Р-И-С-Т.

– Джейн Аферист? – Мой взгляд грозил просверлить в нем дыру. – Вы что, блин, издеваетесь?

Мужчина пожал плечами.

– Она платила наличными. Даже если бы она назвалась матерью Терезой, мне было бы все равно.

Чертова мать Тереза выписалась из хостела утром и уже давно исчезла в неизвестном направлении.

– Мы сообщим вам, если что-то обнаружим, – пообещал один из полицейских и сочувственно мне улыбнулся.

Тем не менее в его словах слышалось другое послание: *«Рассчитывать на многое не стоит».*

Администратор приподнял руки, словно демонстрируя,

что не несет никакой ответственности. Заселяясь, я подписала отказ от претензий, так что он прекрасно знал, что его задница в безопасности. Но когда копы ушли и я осталась сидеть одна с идиотским мусорным пакетом в руках, его лицо немного смягчилось.

– Послушай, девочка, – начал он. – Можешь остаться в комнате еще на одну ночь бесплатно. Должен же я хоть что-то для тебя сделать, правда?

Я уже собиралась сказать ему, куда он может засунуть свою бесплатную ночь, но солнце стремительно клонилось к горизонту. Куда мне было идти?

До Филадельфии всего два часа пути на поезде.

– Ладно, – коротко бросила я управляющему, задушив эту мысль в зародыше. – Я согласна остаться здесь еще на одну ночь, но только если вы поселите меня в *одиночном* номере.

Он поднес к подбородку толстые, короткие пальцы и, почесав щетину, кивнул.

Оказавшись в своей новой комнате, я бросила мусорный пакет на широкую кровать и огляделась. В углу стояли стул и крошечный столик, но в ящике не было ни ручки, ни бумаги.

У меня нет ни ручки, ни бумаги.

Заморгав изо всех сил, я достала телефон, чтобы просчитать варианты. У меня оставалось всего 700 долларов. Если возвращаться в Вегас – *даже не думай плакать, Росси*, – на билет уйдет 300 долларов. А потом еще 300 на оплату аренды за комнату, которую я там снимала.

Если же оставаться в Нью-Йорке, семисот долларов не хватит даже на сутки. Мне пришлось бы искать квартиру, и все деньги ушли бы на задаток, так что до конца месяца мне было не протянуть. Но что я точно не собиралась делать, так это оставаться здесь, в хостеле, и пытаться переделать свой графический роман.

– Да и чем мне его переделывать? – с горечью напомнила я себе. У меня больше не было художественных принадлежностей. Эта мысль каждый раз пронзала мне сердце насквозь, а потом ранила и более практичную часть меня, потому что более-менее сносные ручки и бумага стоили не меньше долларов пятидесяти.

Закончив с подсчетами, я бросила телефон на грубое оранжевое покрывало. Итак, вывод: я в полной заднице. Я потерпела неудачу. Теперь мне ничего не оставалось, кроме как вернуться в Вегас и снова жить в своей старой комнате в переполненной людьми квартире, которые еще и постоянно менялись. Я не сомневалась, что Тео снова возьмет меня на работу в тату-салон, но мне этого не хотелось. Я устала делать татуировки. Меня расстраивало то, что мои рисунки исчезали за дверьми салона, лишая меня возможности снова их увидеть. Я хотела создать что-то, что могла бы подержать в руках. Что-то, что мог бы увидеть весь мир...

Твоя гордость не уступает твоей же глупости.

К глазам подступали слезы, и я заставила себя подняться с постели, прежде чем они смогли взять надо мной верх. За-

сунув мусорный пакет в шкафчик, я хлопнула дверцей и закрыла ее на замок. Нужно было поужинать.

Мне пришлось признать свое поражение, но я решила, что этот город должен мне один нормальный ужин, прежде чем я уеду обратно в Вегас. Взяв в руки портфолио, я вышла из комнаты.

2. Зельда

29 ноября

Руперт – один из моих соседей в Вегасе – говорил, что увидеть художественную сторону Нью-Йорка можно в районе Ист-Виллидж. Сейчас мне было совершенно не до художественности, но я предпочитала двигаться хоть в каком-то направлении, чем ощущать себя потерянной и абсолютно, до ужаса беспомощной. Я снова спустилась в метро и поехала на северо-восток. Вышла на станции Астор-Плейс и зашагала по улице Сент-Марк в сторону Второй авеню.

Стараясь запоминать ориентиры – по обе стороны наблюдалось множество баров и магазинов богемного вида, – я принялась искать кафе с плюс-минус нормальной едой по цене, соответствующей моим скудным финансам.

Увидев маленькое итальянское бистро под навесом в красно-белую полоску, на котором красовалось название «Джованни», я остановилась. *«Как банально»*, – подумала я, ощущая, как меня окутывает теплый запах, просачивающийся на улицу. Томатный соус с чесноком, базиликом и розмарином...

Розмарин.

Волна тоски по дому накрыла меня так резко, что закружилась голова. Когда-то давным-давно так пахло у мамы на кухне.

Я прижала портфолио к груди, словно щит, и открыла дверь в бистро. Оно оказалось крошечным – всего на пятнадцать столов, на каждом из которых стоял стеклянный стаканчик со свечой. Силиконовые скатерти в красно-белую клеточку, пластиковые грозди винограда на стене и плохо нарисованные итальянские пейзажи.

Банальнее некуда, но еда здесь пахла не хуже маминой. Аромат обволакивал меня и навевал воспоминания о нашей кухне, о том времени, когда у меня была сестра. О времени, когда мы с ней ссорились и тягали друг друга за волосы, а потом, словно животные, бегали рядом с теплой плитой, уворачиваясь от мамы, которая пыталась наказать нас за хулиганство, легонько стукнув по лбам деревянной ложкой.

«Возвращайся домой, – прошептал голосок в моей голове. – Садись в поезд и возвращайся домой».

Но теперь дома все было иначе. После похищения сестры наша семья словно рухнула на дно холодной мрачной пропасти. От любви и тепла остались лишь осколки. Все мы были сломлены – мои родители, бабушки и дедушки, тети и дяди... Когда произошло невообразимое, моя большая, громкая итальянская семья лишилась своего голоса.

Начала ли мама снова готовить? Теперь я не имела представления о том, как течет жизнь дома; я не жила там уже шесть лет. Я сама себя отправила в ссылку. Чувство вины перед Розмари за то, что я так невообразимо ее подвела, сделало из меня изгнанницу. Мама продолжала аккуратно наста-

ивать, чтобы я приезжала, и ее слова манили меня. Пару раз в год я поддавалась и надеялась: хотя бы сейчас у меня получится поверить их словам, что я ни в чем не виновата. Но мои воспоминания вопили об обратном, и каждый визит заканчивался тем, что мое сердце наполнялось паникой и разрывалось на части. Из-за этих воспоминаний я променяла свой постоянно растущий город в Филадельфии на пустыни Невады, где все было мне совершенно не знакомо.

Атмосфера «Джованни» была мне очень знакома.

Волна печали и тоски по дому все нарастала, и мне захотелось выбежать на улицу. В этот момент меня окликнул бармен, стоявший за изогнутой стойкой из красного дерева, которая протянулась на всю длину ресторанчика.

– Какой вам столик, мисс?

Собираясь в Нью-Йорк, располагавшийся так близко к Филадельфии, я понимала, что рискую, и все же эта лавина эмоций оказалась почти невыносимой. Но я не была трусихой. Я была сильной. Крепким орешком – так называл меня папа. *«Крепким орешком, который никогда ни перед чем не пасует»*. Я решила, что не позволю воспоминаниям выгнать себя в холодную нью-йоркскую ночь.

– На одного, пожалуйста, – ответила я бармену. Это был полноватый мужчина в рубашке, жилетке и галстук с виноградными гроздьями.

Он кивком указал на крошечный квадратный столик в дальней части ресторанчика. Я присела и вдруг поняла, как

сильно проголодалась. От этого осознания меня даже почти перестало колотить.

Я справлюсь. Смогу вести себя адекватно и что-нибудь съесть.

Я опустила портфолио на пол рядом с собой. Пламя свечи, стоявшей передо мной, колыхалось. Пока я изучала меню, помощник официанта молча принес мне воду в стакане из твердого пластика, в которой плавали два кубика льда.

Официантка – доброжелательная девушка с темно-каштановыми волосами, уложенными в высокую прическу, и золотыми сережками-кольцами – приняла мой заказ: пасту зити и бокал домашнего красного вина. Я неплохо справлялась с поганой ситуацией, в которую угодила, пока официантка не вернулась и не опустила передо мной горячую пасту. «Точно такая же, как у мамы», – подумала я. Только мама добавила бы сюда слишком много базилика, и бабушка начала бы жаловаться, и они препирались бы из-за этого до конца вечера...

Мои глаза затуманились слезами. Грудь сдавило так, что я не могла протолкнуть воздух через горло. Я вскочила со стула и побежала по узкому коридорчику, который вел к туалетам. Дверь в женский оказалась закрыта.

– Черт.

Потеряв способность мыслить здраво, я побежала по слишком ярко освещенной кухне, сквозь пар, мимо посудомойки, от которой пахло моющим средством, и, распахнув

заднюю дверь, вылетела в крошечный переулок. Вдоль него тянулся ветхий деревянный забор. Напротив ресторанчика стояли контейнеры для мусора, доверху набитые пластиковыми мешками. Мелко и прерывисто вдыхая холодный воздух, я обхватила себя руками.

«Соберись! – приказала себе я. – Господи, это же просто еда. Просто... все дело в этом городе. Ты облажалась, и что с того? Ты не первая наивная дуручка, которую Нью-Йорк прожевал и выплюнул, и, уж конечно, не последняя».

Но в этой бравате не было никакого смысла. Меня ранило не то, что мой графический роман не приняли; я могла бы смириться с поражением, если бы дело было в том, что мой уровень не дотягивал до их стандартов. Но услышать, что в нем нет души...

Нет души. В нем не было моей души; в нем были мои легкие, которым не хватало воздуха, пока я бежала за фургоном. В нем был мой голос, звавший на помощь изо всех сил – *«пожалуйста, кто-нибудь, черт побери, помогите!»* – потому что я бежала недостаточно быстро. Я кричала недостаточно громко. Я подвела Розы тогда, а теперь подвела ее еще раз. Я не смогла рассказать миру эту историю. Моя книга являлась просьбой о прощении, растянувшейся на сто с лишним черно-белых страниц, которые были раскрашены слезами и изрисованы сожалениями; все, что я не сделала в тот день, вылилось в эти картинки. Ярость моей героини – ее безжалостная жажда мести – стала моей единственной отдушиной.

Но все это оказалось отвергнуто.

– И какого черта мне теперь делать? – прошептала я.

– Не знаю, – тихо отозвался за моей спиной мужской хрипловатый голос. – Как насчет того, чтобы не замерзнуть до смерти в этом вонючем переулке?

Я подпрыгнула от испуга и резко обернулась. У задней двери стоял высокий худой парень. На вид ему было, как и мне, года 24. Светлые волосы и щетина на подбородке. На нем была белая рубашка, черные брюки и белый фартук; в руке он держал мусорный пакет. Тот самый помощник официанта, который принес мне воду.

– У тебя все нормально? – спросил он.

– Ты меня до смерти напугал!

– Извини.

Он выбросил мусорный мешок в помойку, а потом покопался в заднем кармане брюк и выудил оттуда пачку сигарет.

– Что ты здесь делаешь?

Я пожала плечами и выпрямила спину, чтобы казаться увереннее и выше – насколько это позволял рост в метр шестьдесят.

– Решила, что это место не хуже других.

Парень зажег сигарету.

– Ты заблудилась?

Да, настолько, насколько это только возможно.

– Нет, просто вышла подышать воздухом.

Он бросил на меня ироничный взгляд.

– Чистым воздухом, наполненным ароматом мусора?

А он остроумный. Я любила это качество в людях, но в данный момент мне не было нужно ничего такого. Я зашагала к задней двери.

– Неважно. Извини, что помешала.

– Ты мне не мешаешь.

Он выдохнул, и из его ноздрей вылетели две струйки дыма. В холодном воздухе они тут же смешались с паром от его дыхания. Больше он ничего не сказал, но продолжил смотреть на меня из-под нахмуренных бровей невозмутимым – и вместе с тем внимательным – взглядом темно-синих глаз.

– Ты разве не должен работать? – поинтересовалась я.

– У меня перекур. – Он продемонстрировал мне сигарету. – Думал, это довольно очевидно.

– Справедливо.

– Хочешь сигаретку?

– Я не курю.

– Возможно, это к лучшему. Твоя еда остынет.

– И тогда мне не дадут десерт?

Уголок его губ дернулся вверх, и он присел на одну из трех ступеней, которые вели к задней двери рестораника.

– Что у тебя случилось?

– Просто хотела побыть одна, – ответила я. – Но, видимо, на это рассчитывать не приходится.

– Видимо, нет.

Я округлила глаза.

– Боже, до чего ты надоедливый.

Я вздрогнула от холода и глубже закуталась в пальто. В животе снова заурчало. Я вдруг вспомнила, что курение хорошо подавляет аппетит.

– Ладно, давай сюда свою сигарету.

Он снова достал из кармана пачку и подвинулся, освобождая мне место на ступеньке. Я опустилась рядом с ним и перекинула свои длинные волосы на другое плечо, чтобы не мешали. Потом взяла сигарету и стала наблюдать, как он поджигает ее для меня. При свете зажигалки его глаза переливались, словно темные сапфиры с сотней граней...

Моя грудь сжалась; я согнулась пополам и закашлялась, выпуская наружу облачко дыма.

– Ты в порядке?

Я энергично закивала.

– Давно не курила, – выдохнула я между приступами кашля. На глазах выступили слезы, и я вспомнила, за что не люблю сигареты. – Вкус паршивый.

Парень ухмыльнулся.

– Аккуратно вытащи ее изо рта, и я возьму ее обратно.

– Не надо, все в порядке. Думаю, это то, что мне сейчас нужно.

Я сделала еще одну затяжку и медленно выдохнула, чувствуя, как меня покидает часть тревоги. Мой голодный желудок снова угомонился.

Следующую минуту мы с помощником официанта мол-

ча сидели на крыльце и курили. Я поглядывала на него краешком глаза. Под длинными рукавами рубашки угадывались рельефные мышцы. У него была красиво очерченная линия челюсти, а прямая линия носа прерывалась небольшой горбинкой. Светлые волосы, длинные на макушке, были коротко острижены на висках. А его лицо, боже...

Он неприлично красив. Слишком идеальный. Словно герой комикса.

– У тебя есть имя? – спросил он, по-прежнему смотря куда-то перед собой.

– Зельда, – ответила я.

Он перевел взгляд на меня.

– Зельда? Как...

– Как в названии игры, «Легенда о Зельде»? – фыркнула я, выпуская дым через нос. – Я слышала этот вопрос примерно сто миллионов раз.

Парень пожал плечами.

– Я собирался сказать: как звали жену Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

– А, – произнесла я. – На самом деле... так оно и есть. Моя мама обожала Фицджеральда. Меня называли в честь его жены. А мою сестру... – Я закашлялась, сделав вид, что во всем виноват сигаретный дым. – Розмари. В честь героини одной из его книг.

– «Ночь нежна», – отозвался он и, заметив мои округлившиеся глаза, отвел взгляд. – В течение последних пары лет у

меня было много времени на чтение.

Я кивнула и не стала спрашивать, почему, а он не задавал мне вопросов о сестре. Честный обмен.

– А тебя зовут...? – спросила я.

– Линк¹, – сказал он и откинулся немного назад, словно уклоняясь от моего убийственного взгляда и тихого смешка. – Бекетт. Меня зовут Бекетт.

«Это имя идеально ему подходит, – подумала я, а потом сама себя отругала. – Откуда тебе знать? Не надо сходить с ума из-за симпатичного личика».

– Расскажи мне свою историю, Зельда, – попросил Бекетт.

– Нечего рассказывать, – отозвалась я. – Пришла, увидела, получила пинок под зад. Нью-Йорк – безжалостное место.

– Ты актриса?

– Художница.

Бекетт кивнул, выдыхая дым.

– А ты – актер? – поинтересовалась я. Внешность у него однозначно была соответствующая.

Он покачал головой.

– Я курьер.

– А. Круто. Курьер и помощник официанта. – Бекетт бросил на меня выразительный взгляд, и я приподняла руки в знак капитуляции. – Ничего плохого в этом нет. Честный заработок.

Он фыркнул.

¹ Главный герой в серии видеоигр «Легенда о Зельде».

– Ну да. Честный, – проговорил он, выплевывая каждое слово, а потом на минуту замолчал. – Но я подрабатываю в ресторане только два раза в неделю. Чтобы чуть подзаработать.

– Я слышала, нужна куча денег, чтобы снимать здесь жилье.

– Ты правильно слышала.

Снова наступила тишина, но наше молчание нельзя была назвать совсем уж неловким. Я еще раз украдкой взглянула на точеный подбородок и темно-синие глаза Бекетта. Даже при скудном свете, проникавшем сквозь дверь, они все равно сияли. Бекетт был выше меня, и рядом с ним я ощущала себя защищенной. Я словно оказалась возле скалы, которая закрывала меня от холодного ветра, дувшего со стороны города. Хотя бы на время, пока я не докурила сигарету.

– Ты живешь на Манхэттене? – спросила я.

– Нет. В Бруклине. – Он снова посмотрел на меня. – Не поверишь, но в Нью-Йорке есть и другие места, помимо Таймсквер и Эмпайр-стейт-билдинг.

Я закатила глаза.

– Да неужели? А я только собиралась спросить, можно ли снять комнату на статуе Свободы.

Он почти улыбнулся.

– Ищешь, где жить?

– Нет, я уже все, – проговорила я. – И так вляпалась по уши.

Бекетт кивнул.

– Понимаю. Я работаю в двух местах, но в этом месяце мне все равно не хватает восьмидесяти баксов. Придется сдавать кровь.

Я округлила глаза.

– Ты сдаешь кровь, чтобы заплатить за квартиру?

– Иногда. В этом нет ничего страшного. В клинике на Семнадцатой авеню платят 35 долларов.

– Тебе все равно не хватит 45 долларов.

– Схожу еще в одну клинику. – Бекетт коротко усмехнулся, увидев беспокойство на моем лице. – Шучу. Я что-нибудь продам. Может, какую-нибудь пластинку. Хотя, конечно, не хотелось бы.

– Пластинку? В смысле, винил?

Он кивнул.

– У меня есть кое-что из классики, в основном от дедушки. Его коллекция досталась мне в наследство. А что-то я сам купил на распродаже. Люди не знают цену вещам и часто продают их задешево.

Я затанулась еще раз, но не глубоко. Меня начинало тошнить. Но, возможно, дело было не в сигарете, а в мысли о том, что этот парень продает ценное имущество – не говоря уже о собственной *крови*, – чтобы оплатить жилье.

Видимо, он заметил, с каким ужасом я на него смотрю, потому что беззаботно махнул рукой, разгоняя дым и мою тревогу.

– В этом нет ничего страшного.

– Почему ты не найдешь себе соседа по комнате? – спросила я.

– Я живу в студии площадью меньше сорока квадратных метров. Мне еще не встречался человек, с которым я смог бы делить это пространство больше недели, не захотев его убить.

Я понимающе кивнула.

– В Вегасе у меня своя комната в доме, который мы снимаем с десятью соседями. Из них я могу терпеть только двоих и то не всегда.

Я подняла глаза к ночному небу, подернутому дымкой городских огней и казавшемуся до невозможного глубоким и пустым.

– Зачем ты остаешься здесь, если это так тяжело?

Бекетт затянулся сигаретой, как будто давая себе время подумать над ответом.

– Я родился и вырос в Бруклине, – наконец проговорил он, по-прежнему не глядя на меня. – Куда еще мне идти? Даже если сменю город, останутся все те же проблемы.

Он наконец перевел взгляд на меня.

– А ты, значит, уезжаешь?

– Да, завтра на автобусе, – ответила я. – Остаться не получится. Я приезжала на собеседование – ну, что-то вроде того – и провалилась.

– На какую работу устраивалась?

– Ты считаешь это глупостью.

– Не исключено. – В его улыбке читалась ирония.

Я тихонько рассмеялась.

– А ты за словом в карман не лезешь. Я рисую графические романы.

Он бросил на меня непонимающий взгляд.

– Длинные комиксы с единой сюжетной линией, – пояснила я.

– Как «Ходячие мертвецы»?

– Именно. У меня есть макет одной истории, и я приехала, чтобы показать его паре издателей. Они все отказались. Ну как, один из них отказался *наполовину*, но это не имеет значения. Я не могу остаться в Нью-Йорке, чтобы внести в макет изменения. Да и если бы могла, все равно не знаю, что именно менять.

Бекетт изучал сигарету, которую сжимал между пальцами.

– Почему ты не можешь остаться?

– С чего бы начать? – Я бросила окурок на землю и растерла его каблуком. – Потому что я не умею планировать свою жизнь? Потому что у меня заканчиваются деньги? Потому что меня сегодня обокрали? Или потому что я наивно надеялась, что издатели придут в восторг от моей работы и тут же подпишут со мной контракт? Выбирай сам.

Бекетт качнул головой, и уголки его губ опустились в сочувственной гримасе.

– Постой. Тебя обокрали?

Я кивнула и махнула рукой, разгоняя остатки дыма. Жаль, что нельзя было так же легко избавиться от последствий своего поражения.

– Я приехала сюда в погоне за мечтой, как наивная дурочка, но быстро разбилась и обожглась.

– Ты хотя бы попыталась. Многие люди не делают и этого.

– Попыталась и облажалась.

– Так попробуй еще раз.

– Я бы и рада, – сказала я, скользя рассеянным взглядом по грязному переулку. – Мне кажется, я так близка к успеху... В последнем издательстве мне дали небольшую надежду. Если бы я смогла где-то перекантоваться пару недель, то у меня был бы шанс. Но это невозможно. Мне придется вернуться в Неваду.

– У тебя нет поблизости ни родственников, ни друзей?

Есть, и всего в двух часах на поезде.

– Нет, – ответила я и решила, что уже достаточно рассказала абсолютному незнакомцу. Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы во мне опять начала подниматься эта страшная тоска по дому. Я встала и отряхнула с брюк пыль.

– Тебе не причинили вреда?

Я обернулась и опустила на Бекетта взгляд.

– Что?

– Ты сказала, что тебя обокрали, – тихо пояснил Бекетт, глядя мне прямо в глаза, как будто он заставлял себя выслу-

шать мой ответ. – Они тебя саму не тронули?

– Нет, я... Нет. Меня там не было. Вещи украли из моей комнаты.

Он прислонился к стене и вздохнул, выпуская изо рта облачко пара. В этом звуке читалось облегчение.

– Мне очень жаль, Зельда.

Я нахмурилась.

– В этом же нет твоей вины. Как я уже сказала, этот город надрал мне задницу. Чем скорее я отсюда уберусь, тем лучше для всех причастных.

Бекетт растер подошвой окурок и поднялся на ноги. Ростом он был под метр девяносто, но я не чувствовала себя неуютно, стоя в его тени. Я ощущала...

Надежность. Рядом с ним мне казалось, что я в безопасности.

– Сможешь добраться до того места, где ночуешь? – спросил он.

– Повторю весь путь, которым добиралась сюда, только наоборот, – отозвалась я, пряча за сарказмом тревожные мысли. Потому что так я привыкла создавать иллюзию безопасности.

Бекетт внимательно смотрел на меня еще несколько мгновений, после чего, видимо, пришел к какому-то заключению.

– Хорошо.

Он провел меня через кухню и придержал вращающуюся дверь, которая вела в ту часть бистро, которая была для меня

открыта. На секунду меня окутал его мужской запах – смесь холодного воздуха, сигаретного дыма и одеколона.

– Удачи, Зельда.

– Спасибо... – сказала я, делая глубокий вдох. Через мгновение я пришла в себя и выкрикнула: – И тебе! – как раз в то мгновение, когда дверь между нами закрылась.

По сравнению с улицей в ресторане было тепло и уютно. Посетителей почти не осталось. Управляющий стоял у кассы и подсчитывал выручку, а на другой стороне бармен вынимал тарелки из посудомоечной машины. Кто-то упаковал мою еду. Портфолио – слава Богу! – лежало под столом, на том самом месте, где я беспечно его оставила.

Наконец в моей жизни наступила чертова светлая полоса.

Я заплатила по счету и вышла на зимний холод. Пар от моего дыхания казался таким же густым, как дым от сигареты Бекетта. Я закуталась поглубже в пальто.

И что теперь?

Пора возвращаться в свой мерзкий хостел на бесплатную ночевку. Я представила, как на следующий день буду стоять на автобусной остановке, собираясь обратно в Вегас с вещами в мусорном пакете и поджатым хвостом. На самом деле эта ночевка в хостеле досталась мне не бесплатно. Я заплатила за нее новым чемоданом, художественными принадлежностями и чувством собственного достоинства.

Чувствуя, как щеки горят от стыда, я повернула направо

и зашагала по улице. Я сказала Бекетту, что вернусь тем же путем, которым ехала сюда, но только вот с ориентированием на местности у меня все было отвратительно. Я не узнавала дорогу и по сравнению с высокими зданиями ощущала себя очень маленькой. И потерявшейся.

На углу я остановилась и вытащила телефон, чтобы скачать одно из приложений с транспортной картой города, о котором говорили мне друзья. Ожидая, пока оно загрузится, я услышала голоса перед ресторанчиком «Джованни». Бекетт прощался с барменом и официанткой, держа на плече велосипед. Потом он опустил его на тротуар и снял шлем, висевший на руле. Застегивая ремешок, он обернулся в мою сторону.

Я быстро перевела взгляд на телефон.

Краем глаза я видела, как Бекетт проходит разделявшие нас шесть метров или около того, везя за собой велосипед. Он переоделся, и теперь на нем были черные водонепроницаемые брюки и темно-синяя потрепанная ветровка. Он носил рюкзак не за плечами, а перекинув через грудь ремень, к которому было прикреплено что-то, похожее на портативное радио.

– Все хорошо? – спросил он.

– Зашибенно.

Я стукнула пальцем по картинке, изображавшей маленький белый автобус на ярко-зеленом фоне. Приложение выдало мне список автобусов, линий метро, станций и остано-

вок, рядом с которыми было указано по несколько вариантов времени отправления.

– Вызываешь такси? – поинтересовался Бекетт.

– Нет, я...

Я прикусила язык, чтобы не выругаться. Я понятия не имела, как разобраться в этом чертовом приложении.

– Мне просто нужно понять, как добраться до станции метро Астор.

– Я тоже иду туда, – сказал Бекетт. – Я тебя провожу.

Я подняла на него взгляд.

– Проводишь?

– Да, как я только что сказал.

– Спасибо, не надо. Я сама справлюсь.

Бекетт пожал плечами.

– Как хочешь.

Но вместо того чтобы сесть на велосипед, он зашагал – очень медленно – в противоположном направлении относительно того, которое выбрала я. Фыркнув, я поплелась вслед за ним.

– Тебе необязательно это делать, – произнесла я, держась от Бекетта в хороших десяти метрах.

– Что делать? – Он бросил на меня взгляд через плечо. – Почему ты идешь за мной, Зельда? Неужели потому, что нам уезжать с одной станции метро?

Я закатила глаза и сильнее сжала в руке портфолио. На светофоре не вовремя загорелся красный свет, вынуждая ме-

ня поравняться с Бекеттом.

– Только до станции, – сказала я.

Бекетт кивнул, и на его губах заиграла еле заметная улыбка.

– Только до станции.

Следующий квартал мы прошли в тишине. Пакет с едой постоянно ударялся о мое бедро, и я подошла к урне, чтобы его выбросить. Я не смогла съесть пасту, даже когда ее только приготовили, и впихивать в себя холодные объедки в мерзком номере хостела уж точно не собиралась.

– Подожди, – остановил меня Бекетт. – Ты не будешь это есть?

– Нет.

Он протянул ко мне руку.

– Тогда дай мне.

Я отдала ему пакет, чувствуя себя последним дерьмом из-за того, что впустую перевожу еду.

– Я не для себя, – произнес Бекетт, не глядя на меня, и застегнул рюкзак, прежде чем снова повесить его через плечо. Мы снова побрели к станции.

Через три квартала мы подошли ко входу в метро, который выглядел смутно знакомым – видимо, я действительно была здесь пару часов назад. Бекетт поднял велосипед на плечо и начал спускаться по ступенькам. Желтая краска на велике кое-где обтерлась, а один из катафотов на заднем колесе треснул. Сам велосипед казался легким, но крепким

– словно гибрид гоночной и внедорожной моделей, с прямым рулем вместо стандартного изогнутого. Хотя рама и крылья выглядели слегка помятыми, на цепи и шестернях не было и следа ржавчины. Похоже, Бекетт хорошо заботился о важных для себя вещах.

– Ты всегда берешь с собой велосипед, когда едешь на метро? – поинтересовалась я, наблюдая, как он опускает велик на пол внутри станции.

– Приходится. С утра капец как неудобно, но пока отсюда до Бруклина не проложат маршрут поудобнее... – Он пожал плечами.

– Ты живешь в Бруклине, но работаешь на Манхэттене?

– Шесть дней в неделю.

Он кивнул головой в сторону карты, висевшей на цементной стене рядом с автоматом по продаже жетонов.

– Где ты остановилась?

Я поджала губы.

– В гостинице под названием «Не твое дело».

– Тебе всегда так трудно принимать помощь от других людей? – спросил Бекетт. Его синие глаза мерцали в желтом искусственном свете метро.

– Мне не трудно принимать помощь, – отозвалась я. – Просто я осторожная. Чувствуешь разницу?

– Это разумно, – согласился он. – Но ты явно не ориентируешься в городе. Хотя бы скажи, в каком ты живешь районе, и я покажу, на какой поезд тебе нужно сесть.

– Восьмая авеню, рядом с Портовым управлением, – уступила я, мысленно убеждая себя, что его забота несколько меня не растрогала.

Бекетт нахмурился.

– Туда и оттуда всегда едет много людей. Ночью это может быть небезопасно. А сейчас уже поздно.

Он подошел к бетонной скамейке и присел, прислонив велосипед к коленям, после чего достал из кармана телефон.

– Как называется твоя гостиница?

– Это не гостиница, а хостел. «Парксайд». Но тебе не нужно...

– Отлично. Я поеду с тобой.

Я непонимающе моргнула.

– Ты поедешь *со мной*?

– Ой, извини. Я хотел сказать, что сегодня ночью мне как раз нужно в хостел «Парксайд». – Он посмотрел в экран телефона и промотал что-то вниз большим пальцем. – Можешь пойти со мной, если хочешь.

– Не нужно этого делать, – сказала я. – Я не очень знаю Нью-Йорк, но даже я понимаю, что мне нужно ехать в противоположном направлении от Бруклина.

– Ага, это даже другой округ.

Я нахмурилась, не зная, что сказать. Наконец я присела рядом с ним на холодную бетонную скамейку.

– Я не понимаю: ты пытаешься вести себя как рыцарь или как сталкер?

– Ни то, ни другое, – сообщил он. – Если я проснусь утром и прочитаю в рубрике происшествий, что тебя ограбили по пути в хостел, то буду чувствовать себя последним козлом. Так что я делаю это ради себя, а вовсе не ради тебя.

– Лааааадно... Спасибо?

– Не за что.

Мне в голову пришла примерно сотня остроумных вариантов ответа, но я не смогла произнести ни один из них. Я никогда не встречала никого похожего на этого парня. На Бекетта.

– В Нью-Йорке все такие, как ты? – поинтересовалась я.

– А какой я? – спросил Бекетт, не поднимая на меня глаз.

– Если бы я тебя рисовала, то ты был бы Загадочным Мужчиной. Тем, кто едет в другую сторону от дома, чтобы отвезти попавшую в беду даму в ее дерьмовый хостел в мерзком районе, и ничего не просит взамен.

– Считаешь, мне нужно попросить награду?

Прежде чем я успела ответить, Бекетт обернулся ко мне, и его синие глаза впились в мои.

– И я получу кое-что взамен. Спокойствие. Я же тебе говорил, что делаю это ради себя.

Я поджала губы. *Кажется, здесь скрывается какая-то история.*

Раздался пронзительный скрип: к станции подошел поезд.

– Мне садиться? – спросила я.

Бекетт бросил взгляд на телефон.

– Нет, твой поезд – следующий.

Мы снова погрузились в тишину. Бекетт на меня не смотрел, и только наши локти время от времени соприкасались. Но несмотря на его отчужденность, в его присутствии я по-прежнему чувствовала себя защищенной.

К станции подъехал еще один поезд, обдав нас волной теплого, пахнущего алюминием воздуха.

– А вот это твой, – произнес Бекетт и засунул телефон во внутренний карман ветровки.

Он подошел к поезду, везя рядом с собой велосипед. Людям, стоявшим у двери, пришлось расступиться, но никто и слова не сказал по этому поводу, а Бекетту, судя по его виду, в любом случае было все равно.

Я зашла в поезд вслед за ним, и он кивнул в сторону свободного сиденья в паре рядов от нас. Я присела, снова придя в замешательство от его странных рыцарских манер. Поезд тронулся, и я крепче прижала портфолио к груди. Бекетт держался за поручень, прислонив велосипед к бедру. Когда поезд поворачивал, он оставался практически неподвижным, словно моряк на палубе судна. В отличие от меня Бекетт не впивался безумным взглядом в карту остановок, висевшую рядом с дверью, но, когда поезд замедлился в третий раз, он обернулся ко мне.

– Твоя остановка.

«*Наша остановка*», – мысленно поправила его я и двинулась следом за ним. Мы прошли по станции и поднялись по

ступенькам на улицу, снова оказавшись на ночном холоде.

– Адрес? – спросил он.

– Если я не скажу, ты просто загулишь название, которое я так неосмотрительно тебе дала, да?

– Если ты его скажешь, будет гораздо быстрее, – отозвался он, и в его глазах сверкнула еле заметная усмешка.

Я вздохнула и назвала ему адрес. Бекетт немедленно зашагал вперед, как будто ему уже сотню раз приходилось бывать в хостеле «Парксайд». Это так меня удивило, что я не смогла промолчать.

– Ты здесь когда-то останавливался?

– Нет.

– Так откуда ты...

– Я не знаю, где этот хостел, но знаю перекрестки. – Он постучал по рулю велосипеда. – Это же моя работа.

– А. Ну да. Логично.

Я решила молчать, чтобы из моего рта не вырвалось что-нибудь еще более глупое. Если честно, я была благодарна Бекетту, что он пошел со мной. На улице было темно, и всюду лежали тени. Я прижимала к себе портфолио и шагала вперед, держась так близко от Бекетта, насколько могла, чтобы со стороны не *выглядело* так, будто я хочу идти рядом с ним.

Бекетт шел спокойно, но постоянно смотрел вперед и по сторонам внимательным, настороженным взглядом. Создавалось впечатление, что его тело идеально знает город и движется на автопилоте, но при этом его ум держит ситуацию

под контролем. Вскоре на нашем пути показался бездомный, гревшийся у вентиляционной решетки метро. Когда мы к нему приблизились, он внезапно прохрипел, нет ли у нас лишней мелочи. Я испуганно отпрыгнула назад. Бекетт тоже остановился, но только для того, чтобы вытащить из кармана штанов несколько долларов.

– Доброй ночи, мужик, – произнес Бекетт, вложив купюры ему в руку и продолжив шагать вперед.

Бездомный пробормотал что-то в ответ и зашаркал в противоположном направлении.

Я открыла рот и закрыла его, ничего не сказав. *Ему не хватает денег на квартиру, и он при этом раздает людям мелочь?* Конечно, можно было предположить, что он соврал насчет своего положения, но я так не думала. Он отдал этому мужчине деньги точно в такой же манере, в какой провожал меня сейчас до хостела – как будто у него не было выбора.

Мы добрались до хостела «Парксайд». Стойка регистрации пустовала, но у меня был свой ключ.

– Ну все, вот мы и пришли, – произнесла я. – Спасибо, что проводил, особенно учитывая, что тебе нужно было ехать в другую сторону.

– Без проблем, – отозвался Бекетт. Его взгляд скользнул по улице, потом опустился к кроссовкам и наконец снова обратился ко мне. Между нами сгущалась тишина. В тусклом желтоватом свете синие глаза Бекетта казались почти что фиолетовыми. Он открыл рот, как будто хотел нарушить

эту тишину, но в следующую секунду снова его закрыл.

– Доброй ночи, Зельда, – проговорил он, залезая на велосипед.

Он умчался прочь на такой скорости, на которой явно не стоило ездить по ночным улицам. Но держался он абсолютно уверенно, как профессиональный велогонщик. Он повернул велик плавно, как ручей, и быстро, как молния, и через пару мгновений исчез из вида.

Я еще долго вглядывалась в темноту, в которой он скрылся. Я знала, что никогда больше его не увижу, но не могла понять, как к этому отношусь. Чувство, давившее мне на грудь, нельзя было назвать сожалением. Оно скорее напоминало... ностальгию? Как будто мне уже его не хватало.

Ощущение того, что я в безопасности, исчезло. Его мне не хватало тоже.

Я устало поднялась в свою комнату и плюхнулась на тонкий матрас; под моим весом пружины жалобно запищали. Достав телефон, я начала набирать номер Руперта – моего самого надежного соседа (правда, это не означало, что на него можно положиться). Мне нужно было, чтобы через пару дней он встретил меня на автовокзале в Северном Вегасе.

– О, привет, Зэл, – поздоровался со мной Руперт. На фоне было слышно музыку и громкие голоса. – Как ты? Как у тебя складывается с «Большим яблоком»?

Я нахмурилась. Он говорил, как парень, который прячет в шкафу подружку, потому что его девушка не вовремя за-

явилась домой.

– Не так хорошо, как я надеялась, – ответила я. – Возвращаюсь в Вегас через пару дней. Хотела попросить, чтобы ты забрал меня с вокзала.

– Возвращаешься? – Звуки на фоне стали приглушенными: это значило, что Руперт закрылся в маленькой кладовке, находившейся рядом с кухней. – Черт, Зэл, это проблема.

– И не говори, – пробормотала я, а потом приподнялась и села. – Подожди. Проблема для меня или для тебя?

– Эээ, ну...

– Руперт, что происходит?

– Ну, я как бы сдал твою комнату.

Я едва не выронила телефон.

– *Что* ты сделал?

– Ты сказала, что точно останешься в Нью-Йорке!

– Я сказала, что *возможно* точно останусь в Нью-Йорке. – Я замолчала, понимая, что говорю бред, и раздраженно качнула головой. – Но это неважно. Еще я просила пока ничего не делать с моей комнатой и ждать от меня звонка. *Как раз вот этого звонка.*

– Успокойся. Найдешь себе другое жилье. Можешь...

– Без залога и оплаты за первый месяц – *не могу*, – сказала я. – Вот дерьмо. Не это мне хотелось сейчас от тебя услышать.

– Извини, Зэл, я виноват. Диван в твоём распоряжении, – проговорил Руперт. – Можешь ночевать там столько, сколько

нужно. Или можешь спать в одной кровати с Черил, пока не найдешь что-нибудь получше.

– Как великодушно с твоей стороны, – произнесла я, проводя рукой по глазам.

– А что?

– Ничего.

– Зэл, ты же знаешь, как тут все устроено. Люди приходят и уходят... – Я практически слышала, как Руперт пожал плечами. – Мы думали, что ты ушла.

– Но вышло не так. – Я закусила щеку, сдерживая слезы, подступившие к горлу. – Чтоб через три дня притащил свою задницу на автовокзал. Я позвоню и скажу время.

Даже через телефон меня обдало накрывшим Руперта облегчением.

– Без проблем. Только скажи, когда нужно быть. Я приеду.
Короткая пауза.

– И слушай, Зэл... Мне жаль, что с Нью-Йорком не вышло. Издатели не знают, что потеряли.

Я попыталась сказать спасибо, но из горла вырвался лишь хриплый шепот. Я закончила звонок и уронила телефон на потрепанное покрывало.

Подвинувшись к окну, я уставилась в кирпичную стену соседнего здания. Чтобы увидеть небо, мне пришлось наклонить голову и вытянуть шею. Звезд не было – одна лишь скучная черно-синяя полоса, холодная и безучастная.

3. Бекетт

29 ноября

Для вечера пятницы поезд метро до Бруклина был практически пуст. На улицах моего района в неприглядном уголке Уильямсберга тоже царила тишина, если не считать обогнавшего меня парня, который орал что-то в телефон, и воя сирены вдалеке. В Нью-Йорке постоянно вдалеке воет хотя бы одна сирена.

Дорога к моему дому лежала мимо десяти таких же сдаваемых в аренду многоквартирных домов. Некоторые из них были кирпичными, другие – бетонными, и почти все – изрисованными граффити. Закинув велосипед на плечо, я поднялся по лестнице на свой второй этаж. В узком коридоре моргали и жужжали люминесцентные лампы. Я остановился перед дверью квартиры 2С, снял с плеча рюкзак, расстегнул его и достал пакет с недоеденным ужином Зельды. К счастью, коробка внутри него была в полном порядке. Еда даже еще не до конца остыла.

Я постучал в дверь.

Полминуты спустя я услышал, как скрипят половицы и отодвигается щеколда. Дверь приоткрылась на ширину цепочки, и из образовавшейся щели на меня уставились два зорких карих глаза, окруженных густой сетью морщинок.

– Здравствуйте, миссис Сантино, – поздоровался я. – Вот

принес вам кое-что. Надеюсь, вы не против поесть итальянской еды. – Я глянул на часы. – В двадцать минут первого ночи.

Она шмыгнула носом и захлопнула дверь. Загремела цепочка, и дверь открылась снова, на этот раз достаточно широко, чтобы миссис Сантино смогла выхватить пакет из моей руки. Поджав губы, она пробежала по мне взглядом вверх-вниз, а потом опять шмыгнула носом и закрыла дверь.

Я усмехнулся и покачал головой.

– Доброй ночи, миссис Сантино.

Подойдя к квартире 2Е, я открыл замок и щелкнул выключателем. Крошечную прихожую залил неприятный свет от единственной люминесцентной лампы под потолком. Я провез велосипед по тонкому ковролину и оставил его в углу рядом с ванной.

Всего десять шагов, и я оказался на кухне. Достав бутылку воды из маленького холодильника, сделал жадный глоток и подошел к окну. Мой бруклинский квартал дремал в сгущавшейся ночи, которая все равно не сможет накрыть его абсолютной тьмой – не позволят городские огни.

Зельда была где-то там, на Манхэттене, по другую сторону реки. В хостеле, который она окрестила «дерьмовым». Хотелось верить, что в безопасности. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Я сыграл свою роль. Проводил ее до дверей.

Береги себя, Зельда.

Я присел за небольшой стол у окна, внезапно охваченный неодолимым желанием поговорить. «*Выразить себя*», как говорила миссис Браунинг, моя школьная учительница английского, постоянно подталкивая меня к писательству.

«Выражай то, что чувствуешь, Бекетт. Сними замок со своего сердца. Твои слова прекрасны. Они обладают силой».

Тогда все это казалось мне высокопарной ерундой, но за прошедшие годы я так и не забыл ее совета. Мне хотелось верить, что слова действительно обладают силой. Способностью изменить прошлое. Починить то, что было сломано. Исцелить. Если я запишу их на бумаге, возможно, им удастся сотворить какую-нибудь магию с человеком, который их прочитает.

У меня был только один читатель. Миссис Джей. Месяц уже подходил к концу, а я еще не написал ей письмо. Просто до сегодняшнего вечера не знал, о чем написать.

Я достал из ящика ручку и бумагу.

29 ноября

Дорогая миссис Джей,

В старшей школе со мной училась девочка, которую звали Ханна Уолтерс. Ханна хотела стать актрисой, и, если бы отец-придурок не убедил ее поступать на юриста, сейчас она бы блистала в Голливуде. Или, может быть, на Бродвее. Она получала главную роль во всех школьных пьесах. Другие девочки всегда злились,

что ей достается вся слава, но только до премьеры. Потом даже они понимали, что Ханна ее заслужила.

Мы были в выпускном классе. Весной того года в нашей школе PS 241 решили поставить пьесу “Расёмон”. Вы ее видели? По ней еще сняли фильм. В общем, это японская история о самурае, его жене и одном бандите. Бандит убивает самурая и насилует его жену. Ну, по крайней мере, так гласит одна версия. В другой версии жена соблазняет бандита и помогает ему убить самурая. А еще в одной самурай убивает себя сам. Каждый человек – бандит, жена и мертвый самурай (с помощью медиума, который может общаться с духами) – рассказывает свою историю, после чего зрители задаются вопросом: кто же из них говорит правду?

Мы с друзьями решили напиться и прийти на премьеру. Мы не собирались смотреть, просто хотели поржать. Но пьеса оказалась слишком хороша. Смеяться было не над чем. Мои друзья ушли после второго акта, чтобы сохранить лицо. Я остался до того момента, как опустился занавес.

Ханна Уолтерс играла медиума. Выйдя на сцену, она превратилась в какое-то одержимое, почти призрачное существо. Она извивалась и взывала к духам, пока погибший самурай не начал рассказывать свою историю ее устами. Она была одета в белые лохмотья, которые сияли в огнях рампы. Ее лицо казалось очень бледным, а глаза превратились в темные, черные ямы, способные заглянуть в загробный

мир. Ее голос срывался на крик, как будто дух, говоривший ее голосом, причинял ей физическую боль. Я сидел как зачарованный и не мог оторвать от нее глаз.

После представления я подошел к Ханне и сказал, что на сцене большие не на что было смотреть, кроме нее. Вместо ответа она меня поцеловала. Мне кажется, она была пьяна успехом, с которым прошла пьеса – или, возможно, под кайфом от собственного выступления. Мне было плевать. Я поцеловал ее в ответ, чувствуя на ее губах меловую белизну грима. Я словно попробовал на вкус толику той магии, которую она создала.

Мы встречались целых три месяца, пока ее папа не сказал, что отрежет мне член садовыми ножницами, если еще раз увидит меня рядом с ней. Я был недостаточно хорош для его дочери. Слишком беден. Слишком груб. Высокий парень в потрепанной одежде, живший с больным дедушкой, которому не хватало сил, чтобы его дисциплинировать.

Расставание с Ханной не стало наиглавнейшим событием в моей жизни. Но любил ли я ее? Не знаю. Ее игра в “Расёмоне” запомнилась мне почти так же ярко, как она сама. Но в Ханне жила какая-то магия. Мне кажется, именно это в ней я и любил.

С тех пор у меня было немало женщин. Уточню: мы вместе спали. Ничего серьезного. Ничего, что мне хотелось бы сохранить. Ни в одной из них не жила магия. Это звучит банально? Возможно; но в этом мире слишком много дерьма, поэтому, когда находишь

нечто, сияющее посреди грязи и тьмы, начинаешь к этому стремиться.

Сегодня вечером я встретил девушку.

Сначала я не увидел в ней ничего магического – абсолютно ничего. На самом деле, она была той еще занозой в заднице. Но остроумной. Ростом метр с кепкой, очень красивая, с большими зелеными глазами – кажется, во многие мили глубиной. Длинные черные волосы, похожие на шелк. Мне пришлось бороться с желанием к ним прикоснуться.

Она уезжает из Нью-Йорка уже завтра. Собеседование прошло неудачно, и это печально. Но, черт, она молодец, что попыталась! Попробовала выстрелить и промахнулась, но хотя бы не побоялась рискнуть. Она художница. Рисует комиксы. Я хотел задать ей миллион вопросов. Хотел спрашивать еще и еще, потому что не сомневался: я могу говорить с Зельдой дни напролет, но вещи, которые я хочу о ней узнать, не будут заканчиваться.

Да, ее зовут Зельда. Фамилию я не знаю. Потому что не задал ей этот вопрос – как и сотни других вопросов, которые вертелись на языке. Она уезжает из Нью-Йорка, но я промолчал не поэтому. Все дело в вас, миссис Джей.

Видите ли, наша история немного напоминает “Расёмон”. В ней три действующих лица: вы, ваш муж и я. Жена, мертвый самурай и бандит, который его убил. Только в отличие от пьесы, нашу историю можно трактовать только одним образом. Придя домой, вы

обнаружили там грабителей. Сердце вашего мужа не выдержало, и он умер. Другой версии нет.

Я не позвал ту девушку – Зельду – выпить со мной кофе. Не спросил у нее номер телефона. Я проводил ее до хостела и ушел. Ведь стоило ей задать мне пару вопросов, как выяснилось бы, что я преступник, осужденный на два года за вооруженное ограбление. Вряд ли это произвело бы на нее приятное первое впечатление. Здесь нет места магии.

Да и вообще, кто я такой, чтобы позволить себе хотя бы попытаться завести отношения с девушкой? Вы были замужем за мистером Джей в течение двадцати семи лет. Я помню из отчета окружного прокурора. Но мы с друзьями – с моими друзьями-бандитами – положили всему конец, так ведь? Я принял в этом участие.

Мертвый самурай остается мертвым. Этот факт не меняется, кто бы ни рассказывал историю.

Мне жаль. Мне так жаль. Это тоже никогда не изменится.

Бекетт Коуплэнд

Я перечитал письмо, положил его в конверт и подписал «Миссис Джей» своим крошечным, аккуратным почерком. Дедушка говорил, что мой почерк один в один напоминает шрифт печатной машинки. На самом деле печатной машинки у нас не было, а позволить себе компьютер мы не могли, поэтому я писал все школьные работы от руки.

Я бросил конверт на стол и обвел комнату взглядом, пыта-

ясь увидеть ее глазами моего инспектора по надзору – завтра Рой собирался нанести мне ежемесячный визит. Нужно было немного убраться, поэтому я присел на корточки рядом с коллекцией виниловых пластинок, стоявших у стены рядом с письменным столом. Раньше их было больше, но зимний сезон начался тяжело. Для курьерских компаний вообще и для службы «Аполлон», в которой я работал, в частности.

Я выбрал пластинку с лучшими хитами группы Journey и поставил ее на свой двухскоростной виниловый проигрыватель Crosley C10. На EBay пишут, что я могу получить за него 400 долларов, но я скорее продам почку, чем его.

Я опустил иголку на пластинку. Раздалось потрескивание, а потом квартиру заполнили звуки песни «Don't stop believing». Я убрал кое-какие вещи, помыл пару тарелок и положил грязную одежду в пакет, чтобы потом постирать. Песня еще не успела закончиться, а я уже все сделал. Если бы в такой маленькой комнате была куча хлама, я бы с ума сошел.

Слушая музыку, я приоткрыл окно и выкурил сигарету. Хороший альбом. Немного банальный, но мне иногда кажется, что мы называем «банальным» то, что людям удалось объяснить самым простым образом.

Don't stop believing. Не переставай верить.

Вот и все. Никаких метафор. Никакой поэзии. Понятный совет, за который в любом ломбарде дадут долларов тридцать пять. Вероятно, мне придется заложить эту пластинку,

хотя я буду по ней скучать.

– Но по крыше над головой ты будешь скучать больше, – сказал я себе, туша сигарету о подоконник.

Рою не нравилось, когда в квартире пахло сигаретами, поэтому я оставил окно открытым еще минут на пять. Отопление опять барахлило, так что вскоре от каждого моего выдоха стало подниматься облачко пара. Я захлопнул окно и пнул находившийся под ним радиатор. В ответ он застонал, и наружу вырвалось немного теплого воздуха. Его хватило, чтобы минуту погреть руки, а потом обогреватель вернулся в свой обычный режим – тепла будет достаточно лишь для того, чтобы я за ночь не отморозил себе яйца.

Я нехотя снял утепленную ветровку и непромокаемые штаны и быстро натянул спортивные штаны и две футболки. Напялив сверху толстовку, я залез в кровать, завернулся в одеяло и начал ждать, когда наконец согреюсь. Знакомая холодная боль дрожью прошла по моей коже, а потом сконцентрировалась внизу живота.

Я хотел, чтобы в постели со мной была женщина.

Я задумался, не найти ли девушку на завтрашнюю ночь, но потом откинул эту идею прочь. Это повлекло бы за собой сложности, которые мне были не нужны. Как я и сказал миссис Джей, о том, чтобы заводить серьезные отношения, не могло идти и речи.

Но все-таки мне этого хотелось. Я хотел слышать чье-то дыхание, кроме своего собственного. Хотел обнимать жен-

щину и прижимать ее к себе. Чтобы она крепко обвила меня руками и ногами, и наши тела защищали друг друга от холода. Справляться с зимой в одиночестве будет тяжело. А вот если бы вдвоем, вместе с кем-то...

Вместе. Слово, которое я никогда не использовал.

– Смирись, – прошептал я в холодную подушку. Подушка миссис Джей тоже была холодной. А кровать – пустой. Из-за меня ей теперь тоже не приходилось пользоваться словом «вместе».

Я провалился в сон, и мне снилась Ханна Уолтерс в роли кричащего медиума. Только ее устами говорил не мертвый самурай, а мистер Джей.

Ханна носилась по сцене, изображая мужчину среднего возраста, ошарашенного тем, что четыре вора грабят его особняк. Рука Ханны прижалась к груди, когда у мистера Джей случился сердечный приступ. Ханна закричала. А, может быть, это кричала миссис Джей, глядя, как ее муж падает на пол. Как жизнь покидает его глаза еще до того, как его голова ударяется о половицу.

Я следил за разворачивавшейся драмой так же заворуженно, как когда-то в школе за сюжетом «Расёмона». Не мог отвернуться. Я должен был стать свидетелем того, что натворил.

«Не отводи глаз, смотри!» – вопила Ханна.

«Смотри, как умирает человек...

...и знай, что это случилось из-за тебя».

Бах!

Ровно в восемь утра в дверь позвонили. К тому времени я успел встать, одеться и уже заваривал кофе. Когда я открыл дверь, лицо Роя Гудвина расплылось в улыбке. У него были усы, как у Тома Селлека, а одевался он обычно как учитель по обществузнанию – его гардероб мог похвастаться обилием синтетических брюк и рубашек на пуговицах. Иногда он даже надевал жилет.

Но этим утром никаких жилетов. Рой стянул с себя ветровку, зацепившись за значок департамента исполнения наказаний, который был прикреплен к карману его рубашки.

Я не сомневался, что некоторые из досрочно освобожденных, находившихся под опекой Роя, считали его мягким человеком. Возможно, особо отчаявшиеся даже пытались его обдурить. И зря. Несмотря на полноватую фигуру, Рой был хорошо обучен и умел быстро реагировать. Раньше он работал в ФБР, но пять лет назад решил перевестись на должность инспектора по надзору. Сказал, что хватит с него гоняться за преступниками – пора начинать им помогать. На мой взгляд, получалось у него неплохо.

– Как дела, Бекетт? – спросил Рой, засовывая доску-планшет под мышку и потирая одной рукой другую.

– Не жалуюсь, – отозвался я. – Как Мэри?

– У нее все чудесно. Передает тебе привет.

– И вы ей от меня передавайте, – сказал я. – Будете кофе?

– Да, спасибо, – ответил Рой. – Нас ждет адски суровая

зима, я уже вижу.

Он окинул взглядом мою крошечную полупустую квартиру.

– Я приступлю к делу, пока ты заваришь мне чашечку, ладно? Один пакетик сливок и без сахара.

– Понял.

Я занялся приготовлением кофе, а он направился в ванную. Проверил душ, корзину для белья, выдвижные ящики под раковиной и медицинский шкафчик. Он работал обстоятельно, но с уважением, что я очень ценил. Мой первый инспектор по надзору был козлом, который каждый раз переворачивал мою квартиру вверх дном, как будто производил обыск для телевизионного шоу о копах. Он наблюдал за мной всего месяц, а потом меня перевели к Рою. Я так и не узнал почему. Сам я, конечно, никаких дурацких жалоб не оставлял.

Рой вышел из ванной, делая записи на планшете. Засунув его обратно под мышку, он опустился на четвереньки, чтобы заглянуть под мою кровать. Он осмотрел обе диванные подушки, пространство под кофейным столиком и содержимое единственного ящика. Потом, словно в награду за труды, его пальцы пробежали по моей коллекции пластинок. Он присел на корточки и вытащил альбом «Chicago 17» группы Чикаго.

– Ого. Вот это находка.

Он поднял на меня взгляд.

– Только не говори, что кто-то сдал эту красотку на улич-

ную распродажу.

– Нет, это пластинка из дедушкиной коллекции, – сказал я. – Понятия не имею, где он ее нашел и почему заинтересовался. Ему больше нравилась музыка в духе Фрэнка Синатры. Хотите, поставлю?

– Ты еще спроси, срут ли медведи в лесу. Еще бы!

Рой передал мне пластинку и, пока я ставил ее на проигрыватель, сделал еще несколько заметок на планшете.

– Ну, теперь можно и кофе попить, – проговорил он, улыбнувшись мне сквозь усы. Комнату заполнили звуки песни «You're the inspiration».

На одно мгновение меня охватило странное чувство, словно я стал героем комедийного сериала из 80-х, где папа всегда относится к сыну с пониманием, как бы сильно тот ни лаял, и где у каждой серии есть счастливый конец.

«У тебя крыша едет, Коуплэнд, – подумал я. – Все дело в песне и в усах, как у Тома Селлека».

От этой мысли я улыбнулся. Ро, как обычно, провел обыск так, чтобы на меня не давить. С другой стороны, я тоже не усложнял ему задачу: у меня не было ни картин на стенах, за которыми могли лежать пакетики с наркотой, ни ваз, в которых могло быть спрятано оружие. Никаких дурацких украшений.

Рой присел на крохотный диванчик, напротив которого на двух пластиковых коробках стоял еле живой плоскоэкранный телевизор. Я опустился на ветхий стул слева от него.

Комната была такой маленькой, что, если бы я протянул руку назад, то практически дотронулся бы до кровати. Рой поставил кружку на деревянный кофейный столик, испещренный царапинами. Он по-прежнему улыбался, но я видел, что на самом деле он внимательно меня изучает.

– Ничего не принимаешь? – спросил он почти извиняющимся тоном.

– Вы еще спросите, срут ли медведи в лесу, – ответил я, и Рой рассмеялся.

Тест на наркотики не входил в условия моего досрочного освобождения. Но если бы у Роя возникли сомнения на этот счет, он имел право провести его в любой момент. Каждый месяц он спрашивал меня, не употребляю ли я, и я отвечал ему правду. Рой чуял ложь так же хорошо, как обычные люди по утрам чувствуют запах кофе.

К тому же моя проблема была не в наркотиках. Моя проблема заключалась в том, что я отчаянно хотел жить другой жизнью – не той, которую приходилось вести нам с бабушкой. А еще в том, что я пытался создать себе новую жизнь за счет других. Но смерть мистера Джей на моих глазах и два года в исправительном учреждении «Отисвилл» излечили меня от подобных поисков.

– Как работа в «Аполлоне»? – спросил Рой, опустив планшет на колени.

– Заказов не много, – ответил я.

Он тут же встревоженно нахмурился, и я быстро добавил:

– Но в декабре работы обычно становится больше. Когда приближаются праздники, люди постоянно оформляют доставку для покупок, которые им нужно сделать в последний момент. И заказывают много еды. Им не хочется вылезать на холод в обеденный перерыв.

– Я слышал, что «Убер» отнимает у курьерских компаний значительную часть заказов.

– У меня все хорошо, Рой.

Рой написал что-то на планшете.

– А как идут дела в «Джованни»?

– Все в порядке.

– Тебе через два дня платить за квартиру. – Он медленно отпил кофе из кружки, не отрывая от меня взгляда. – Проблем не предвидится?

Этот парень явно обладал даром ясновидения. Но я не видел смысла ему врать.

– Денег немного не хватает, но я с этим разберусь.

– Как? – мягко спросил он.

У меня сжалось горло. Рой был того же возраста, что и мой отец... Если, конечно, тот не успел свести себя в могилу, упиваясь алкоголем. Они с матерью бросили меня, когда мне было восемь. Я понятия не имел, живы ли они. И плевать на это хотел.

– Тем же самым *законным* образом, как и обычно, – ответил я.

Рой откинулся на спинку дивана.

– У меня сегодня еще смена в ресторане, – добавил я. – Я справлюсь.

Я не стал добавлять, что шанс заработать восемьдесят долларов за одну ночь, убирая посуду со столиков в ресторане, был микроскопическим. Но я разговаривал с Роем, поэтому говорить это вслух мне было необязательно.

– Конечно, это против правил, – медленно произнес он. – Мне не полагается предлагать тебе...

– Вот и не предлагайте, – перебил его я и выдавил улыбку, чтобы уравновесить резкость своего тона. – У меня все хорошо, Рой. Я выживу. У меня это всегда получается.

Я получу половину суммы, если продам альбом «Journey». Сдам кровь – и доберу остальное. Забавно, но оба плана вызывали во мне похожие чувства. Лишиться альбома – было все равно что отдать часть себя.

Судя по виду Роя, он хотел возразить, но потом передумал.

– Хорошо, тогда давай вернемся к делу. Ты каким-нибудь образом связывался с мистером Карлайлом, мистером Лоуренсом или мистером Нэшем?

– Нет, – ответил я.

Это тоже было правдой. Никто из парней, которые участвовали в том грабеже, не пытался со мной связаться. А сам я уж точно не собирался искать с ними встреч.

– Хорошо.

– Я думал, Нэша отправили обратно в «Райкерс»², – сказал я.

Рой нахмурил брови.

– Где ты это слышал?

– Дарлин говорила, – ответил я. – О таких вещах она знает больше, чем желтая пресса о жизни знаменитостей.

– Будь с ней поосторожнее, – предостерег меня Рой. – Торчки похожи на черные дыры – рано или поздно затягивают в свою тьму всех подряд. Я бы не хотел, чтобы ты общался с ней или с парнем, который продает ей наркоту.

– Она ни у кого не покупает наркоту, – возразил я. – Она уже несколько месяцев ничего не принимает.

Я не стал добавлять, что, несмотря на всю свою долбанутость, Дарлин Монтгомери была моей подругой. Хорошей подругой. У меня не было привычки выбрасывать друзей из жизни, если они делали ошибки. Я сам совершил ошибку. Причем огромную. Но Дарлин и наша маленькая компания друзей не осуждали меня за это. Я не мог не отплатить им как минимум тем же.

Рой сделал пометку, задал еще несколько стандартных вопросов, а потом окончательно опустил свой планшет.

– Так что у тебя нового, Бекетт? Расскажи мне что-нибудь хорошее.

Я встретил девушку...

² Остров-тюрьма, относящийся к Нью-Йорку. Является крупнейшим исправительным учреждением в мире.

– Да говорить особенно не о чем, – ответил я.

– Ты с кем-то встречаешься?

Как он это делает, черт его побери? Я опустил взгляд, чтобы не видеть улыбку Роя, которая призывала по-мужски пообсуждать личные темы.

– Да не, особо ни с кем. К тому же парней с судимостью обычно пролистывают влево, и до свиданий дело не доходит.

– Пролистывают влево?

– В приложении для свиданий. – Я махнул рукой. – Не обращайтесь внимания. Просто дурацкая шутка.

Рой кивнул и задал еще один вопрос:

– Есть какие-нибудь планы на праздники? – В его голосе прозвучала смесь надежды и сомнения.

– Конечно, Рой. Полечу на Ямайку, – отозвался я. – Буду лежать на пляже, пить ром и не вернусь сюда, пока не наступит весна. – Я криво ему улыбнулся. – Еще не поздно сделать запрос, чтобы меня выпустили?

Рой невесело усмехнулся.

– Слегка поздновато.

Первый год моего условно-досрочного освобождения закончился, оставалось еще два. До этого времени я не мог выехать из штата без разрешения комиссии, и даже при его наличии мог отсутствовать лишь в течение месяца – и то, только если Рой даст мне рекомендацию. Возможность покинуть страну даже не рассматривалась.

– Я тут подумал... – медленно начал Рой, нагнувшись ко

мне и сложив руки домиком. — Моя святая супруга готовит потрясающую рождественскую ветчину. Обкладывает ее кружочками ананаса, а в середину каждого просовывает коктейльную вишню. Видел такой рецепт? И украшает все это головками гвоздики. Ты даже не представляешь, какой ровный получается узор!

Он хлопнул ладонью по моему колену.

— Если ты откажешься попробовать ее в этом году, я при-
му это за оскорбление насчет моей жены!

Он сказал это несерьезным тоном. Как и в прошлом году. Мой дедушка умер через месяц после того, как я погрузился в преступный мир, и теперь семейное древо Коуплэндсов состояло из меня, еще раз меня и моего я. Мне было страшно неприятно, что Рой об этом знал. Неприятно, что моя жизнь была для него файлом, который можно открыть и прочесть в любой момент. Но таковы последствия, если ты совершил преступление третьего класса. Я оставался осужденным. Даже когда закончатся два оставшихся года условного заключения, моя судимость будет и дальше меня преследовать.

Это цена, которую необходимо заплатить...

Я выдавил улыбку.

— Может, и заскочу к вам.

Мы оба понимали, что на самом деле я имел в виду другое: «Ни за что на свете». С тех пор как меня оставили родители, у меня не было привычки сближаться с людьми. Рой оставался моим инспектором по надзору. Как только выйдет

срок, он исчезнет из моей жизни. Я не видел смысла усложнять ситуацию.

Рой смотрел мне в глаза еще секунд десять, и все это время я не моргал. Наконец он сдался и нарушил давившую на нас тишину, хлопнув ладонями по коленям.

– Ладно, Бекетт. Но это разобьет Мэри сердце!

Он мягко улыбнулся, и мы оба поднялись на ноги. Он пошел к двери. Я сделал три шага к столику у окна, взял конверт с подписью «*Миссис Джей*» и протянул его Рою.

– Передадите это ей?

В улыбке Роя по-прежнему читалась теплота.

– Конечно.

Рой прекрасно знал, что делать. Я писал миссис Джей по письму в месяц с тех пор, как попал в тюрьму. Он передал ей уже тридцать семь писем и сейчас держал в руке тридцать восьмое.

– А она... – я откашлялся и опустил взгляд на пол. – Она ничего не отвечала? Хотя бы пару слов?

– Нет, – тихо ответил Рой.

Я кивнул.

– Возможно, она выбрасывает их, не читая. Я не виню ее, но...

Я осекся, когда Рой открыл конверт и начал читать то, что я написал. Он был обязан это сделать. Он не мог ничего передавать жене человека, которого мы убили, не проверив содержимое заранее. Но отсутствие права на личные тайны

снова ранило меня, будто ножом.

Рой поднял на меня взгляд. На его лице играла странная улыбка.

– Зельда. Как жена Фицджеральда.

– Вот и я так сказал, – радостно ответил я и только потом вспомнил, что не хотел об этом говорить.

Наши глаза снова встретились, и пространство между нами наполнилось словами, которые Рой хотел мне сказать: о том, что чувство вины отравляло и разрушало все то, что я пытался построить, выйдя из тюрьмы. Я почти слышал его молчаливую просьбу, чтобы я простил себя, и чувствовал на языке отказ, готовый пулей вырваться наружу. Когда мистер Джей умер, меня не осудили за убийство, потому что у него было больное сердце. Но, на мой взгляд, это ничего не меняло. Его проблемы со здоровьем ни черта для меня не значили.

Я не сказал этого Рою. Мы уже все это обсуждали. В другой жизни я мог бы полюбить Роя Гудвина. Мог бы проводить праздники с ним и его святой женой, пробуя ветчину, украшенную кружочками ананаса и коктейльной вишней. Но Рой ошибался насчет прощения. Мистер Джей умер, и единственным человеком, который мог меня за это простить, была его жена.

У двери Рой натянул куртку и помахал пальцем перед моим лицом.

– Скажи уже хозяину квартиры починить чертово отопле-

ние, понял? Здесь холодно.

– Починить? – переспросил я с усмешкой, чтобы его успокоить. – Я специально снижаю температуру обогрева. Это бодрит.

– Ха, конечно!

Держа в одной руке мое письмо для миссис Джей, Рой протянул другую к моему лицу и потрепал меня по щеке. Точно так же, как когда-то делал дедушка. Слишком личный жест для инспектора по отношению к своему подопечному, но он все равно его сделал, и я позволил ему. Его рука оказалась теплой и какой-то отеческой.

Я отстранился.

– Береги себя, Бекетт. Звони, если что-нибудь понадобится. Увидимся в следующем месяце.

Я кивнул, мысленно благодаря его за то, что он больше ничего не сказал и не предложил. Потом я закрыл за ним дверь.

Сняв с проигрывателя пластинку Чикаго, я поменял ее на Фрэнка Синатру, установив иголку на третий трек. Квартиру заполнили звуки песни «My way».

Песни, которую так любил дедушка.

4. Зельда

30 ноября

Сон, как всегда, состоял из обрывков воспоминаний. Из видений, которые быстро менялись и перемещались во времени, притягивая меня к одному-единственному моменту.

«Где твоя сестра?»

Желтая плитка на полу супермаркета. Полки с супами – ряды консервных банок с синими, красными и коричневыми этикетками.

Снова звучит мамин голос, повторяя вопрос, который будет преследовать нас следующие полгода, пока полицейские не сообщат нам, где она...

«Где твоя сестра?»

Четырнадцатилетняя я увидела Розмари в конце соседнего прохода.

Увидела мужчину, который уводил мою сестренку за руку. Ее взгляд через плечо.

Ее маленькое личико, озадаченное и встревоженное.

А я могла лишь беспомощно смотреть в ответ.

В этом сне я всегда была беспомощна.

Я попыталась закричать, но у меня пропал голос. Попыталась пошевелиться, но ноги налились свинцом. Лишь когда они вышли из магазина и завернули за угол, мне удалось освободиться от этих невидимых, парализующих пут.

Я бросилась вслед за ними – так же, как и в реальной жизни.

Из моего горла вырвался крик – так же, как и десять лет назад.

И сейчас во сне – так же, как тогда – я опоздала.

Фургон уехал прочь, скрипя колесами, а я бежала слишком медленно или была слишком напуганной (или *«слишком маленькой»*), как все вокруг пытались меня убедить), чтобы остановить его.

Розмари похитили.

Я проснулась от крика, вырвавшегося из моего горла, вся мокрая от пота. Я пыталась отдышаться и понять, где я нахожусь, отчаянно моргая.

«В хостеле! – вопило мое сознание, словно стараясь спасти себя. – Ты в нью-йоркском хостеле, а не там! Ты не в том дне!»

Я никак не могла восстановить дыхание – мешал комок в горле. Наконец я проглотила его и жадно вдохнула воздух. А потом сделала то же, что и всегда, когда меня охватывал этот кошмар. Успокоила себя, мысленно переписав конец этой истории. Я нарисовала его в своем воображении в черно-белом цвете.

Я была сильной, а не маленькой четырнадцатилетней девочкой. У меня с собой оказалась бейсбольная бита. Или нож. Или пистолет. Моя сестренка посмотрела на меня через плечо. Сначала она казалась встревоженной, но потом на

ее лице проступило облегчение. Потому что я была рядом. Я похлопала по плечу ее похитителя – того мерзавца, который обманом уводил за собой маленьких девочек. Когда он обернулся, тревога появилась уже на *его* лице. А вслед за ней и страх.

А потом – боль.

Боль, скопившаяся за десять лет. Моя. Папина. И особенно мамина.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании. Обычно это советуют женщинам во время родов. Дышите, несмотря на боль. Ждите, пока она разожмет свои челюсти и отпустит вас. Расслабьтесь в эти несколько мгновений передышки. Старайтесь не думать, что уже подступает следующая волна. Хоть вы и понимаете, что она уже близко.

Я закрыла глаза и, размеренно дыша, уняла горячее пламя своей ярости. Когда воспоминания отступили, я откинула одеяло и подо двинулась к окну, наполнив свой взгляд городом. Серые острые углы, бесцветные вертикальные линии – даже солнце не могло их смягчить. Нью-Йорк оказался злым. Холодным и безразличным. В нем не было ни доброжелательности Филадельфии, ни относительной надежности, которую внушал Вегас. Город, возвышавшийся за моим окном, плевать хотел на то, выживу я или умру, останусь или уеду, добьюсь успеха или потерплю поражение.

«Попробуй завоевать меня, – шептал он. – Или уезжай. Мне нет до этого дела».

Но для меня все было не так. Я посвятила свой графический роман матери. Я хотела, чтобы мир увидел ярость моей мамы. Я в этом *нуждалась*. Я не смогла спасти сестру. Теперь я могла дать ей лишь одно – свое творчество.

– Я никуда не уеду, – тихо проговорила я, и эти слова, четко написанные черным по белому, зависли в облачке над моей головой.

Что-то внутри меня, щелкнув, встало на место, и я сосредоточилась на том, как сделать невозможное реальным.

Если взять в расчет сумму на аренду комнаты в Вегасе и деньги на обратный билет, у меня было 400 долларов, чтобы снять себе жилье. Тогда у меня оставалось еще 300 долларов – этого должно было хватить, пока я не найду себе работу. Я открыла ноутбук и начала листать сайты, где люди искали себе соседа по комнате.

Я позвонила по паре объявлений, которые выглядели плюс-минус прилично, но мне сказали, что моего залога в 400 долларов не хватит. Даже близко. Я позвонила в пару мест, казавшихся менее приличными. Там мои деньги были готовы забрать в любой момент, но все мои инстинкты кричали, что меня хотят надуть. Было и несколько приемлемых вариантов, но эти квартиры находились на дальних окраинах Куинса и Бронкса – практически все равно что на луне. Пока я искала, проходил час за часом.

Где-то к часу дня я вспомнила, что накануне так и не поела, и пожалела, что отдала свой ужин.

Отдала Бекетту.

Единственному человеку, которого знала в этом городе.

«Ты его не знаешь, – поправила я себя. – Ты не знаешь о нем совершенно ничего».

Но вдруг я поняла, что это не совсем так. На самом деле я знала о нем немало. Я чувствовала себя легко, разговаривая с ним. Он был остроумным и немного холодным в общении – но я сама была такой же. В его присутствии я не ощущала ни беспокойства, ни дискомфорта. Рядом с ним мои инстинкты не били тревогу. Он давал деньги бездомным, хотя ему жилось несладко. Он работал на двух работах и ради одной из них вставал на рассвете пять дней в неделю, чтобы объезжать на велосипеде весь Манхэттен. Он взял остатки итальянской еды для друга и проводил незнакомку до хостела, находившегося в другой части города, потому что хотел убедиться, что с ней ничего не случится.

«Он порядочный парень», – подумала я. И ему не хватало денег на оплату жилья.

Схватив мусорный пакет с вещами, портфолио и ноутбук, я вышла из комнаты и спустилась по лестнице. Администратор был на месте, за своей стеклянной стеной. Я отдала ключ и выписалась, мысленно молясь, чтобы мне не пришлось возвращаться сюда на ночь.

Мне нужно было как-то убить время, поэтому я купила у уличного торговца гирос и лимонад и остаток дня бродила по городу, пытаясь ознакомиться с местным метро, автобуса-

ми и основными достопримечательностями. Хотя, если мой безумный план сработает, мне нужно будет осматриваться совсем в другом районе.

Я вздрогнула, глубже кутаясь в пальто. Солнце клонилось к закату, а на город опустились тяжелые серые тучи. Подул холодный ветер и пошел дождь – с некоторым намеком на снег. Я юркнула в «Старбакс», купила кофе и просидела с ним несколько часов, размышляя, не сошла ли я с ума. Мне хотелось знать, предстояло ли мне снова – как в случае с моим графическим романом – услышать отказ.

Без двадцати семь я вышла на улицу. Повернувшись лицом к холодному ветру, резавшему мое лицо сотней маленьких ножей, я снова направилась к «Джованни».

Бум!

В бистро было пусто. В такую погоду людям явно не хотелось выходить из дома. Прошлым вечером Бекетт сказал, что в эту смену ему нужны хорошие чаевые, чтобы хватило денег на оплату квартиры. В старших классах я подрабатывала официанткой, поэтому понимала: ничего не получится. Сегодня даже официанты не получают и восьмидесяти баксов, что уж говорить о помощнике.

Но я могу это исправить.

Я попыталась найти его глазами в полумраке ресторанчика, чувствуя, как тревожно сжимается желудок. Управляющий и бармен разговаривали за стойкой. Когда я подошла к ним, оба вежливо улыбнулись.

– Здравствуйте, – проговорила я, торопливо пряча мусорный пакет между своими ногами и барной стойкой. – А Бекетт сегодня работает?

Пожалуйста, скажите «да». Пожалуйста, скажите «да». Пожалуйста...

– Да, конечно, – ответил управляющий. – Он придет в семь. Обычно смена начинается в пять, но я предчувствовал, что сегодня здесь будет тихо. Вы его подруга?

– Можно так сказать, – отозвалась я и с облегчением выдохнула. – Я не собираюсь отвлекать его от работы, вы не подумайте. Просто хотела поговорить, когда у него будет перерыв.

Управляющий широко улыбнулся.

– Бекетт ни разу не опаздывал на работу. Я не буду возражать, если он пять минут поговорит со своей *можно так сказать* подругой.

Я слабо улыбнулась в ответ, после чего управляющий пошел поприветствовать парня и девушку, которые добрались до ресторана, не побоявшись непогоды.

Бармен – седеющий мужчина средних лет в галстуке и жилетке поверх белой рубашки – мотнул подбородком в мою сторону. Он выглядел как актер массовки из фильма с Фрэнком Синатрой. Обходительный и обаятельный, словно из другой эпохи.

– Хотите чего-нибудь, мисс?

– Колу, пожалуйста.

К стойке подошла та же официантка, что обслуживала меня вчера – высокая прическа, большие сережки-кольца.

– Господи, сегодня тут тихо, как на кладбище, – проговорила она. – Три водки-мартини, Винс. Две для посетителей, и одну для меня, чтобы в этой смене был хоть какой-то смысл!

– Хорошая попытка, Дарлин, – пробормотал Винс, ставя передо мной стакан с колой. Пока он наливал в шейкер водку – на двоих, – я обернулась к официантке.

– Можно задать тебе вопрос?

– Конечно, – ответила она. – Времени у меня куча.

– Ты давно работаешь с Бекеттом?

На ее лице тут же засияла улыбка.

– Примерно год, каждый вечер пятницы и субботы. Это просто пытка!

– Пытка?

Она уперла кулачок себе в бок, а другой рукой облокотилась на стойку.

– Ты его *видела*? Он же прекрасный образец мужской привлекательности! Я до сих пор пытаюсь забрать его домой насовсем. Но приходится ограничиться тем, что он мой лучший друг.

Я улыбнулась, поднося колу к губам.

– Я скорее спрашивала о его характере.

Дарлин посмотрела на меня непонимающим взглядом.

– Ну, *какой* он человек? – перефразировала я.

– Ой, дорогая, он лучше всех. По-настоящему хороший парень. Видит бог, таких слишком мало! По крайней мере, рядом со мной.

Винс поставил на поднос Дарлин два идеальных мартини.

– Ты разбиваешь мне сердце, Дар.

Она фыркнула.

– Ты женат дольше, чем я на свете живу, старичок!

Дарлин ткнула в меня пальцем.

– Она спрашивает про нашего Бэкса. Расскажи ей, Винс.

– Он готов отдать тебе свою рубашку, даже если она у него последняя.

«*Это внушает оптимизм*», – подумала я, стараясь не слишком обнадеживаться.

– А к чему все эти вопросы? – в дружелюбный тон Дарлин закрались подозрительные нотки. – У него что, какие-то проблемы?

– Нет-нет, ничего такого.

Никакой правдоподобной лжи в голову не шло, поэтому я пожала плечами и широко улыбнулась:

– Просто я, кажется, тоже хочу пойти с ним домой.

– Ха! Какая ты молодец! – воскликнула Дарлин и многозначительно мне подмигнула. Подняв поднос, она наклонилась ко мне. – Удачи, милая. Буду держать за тебя кулачки. Или страшно ревновать, одно из двух.

Я ожидала Бекетта, медленно попивая колу и набивая рот бесплатными хлебцами, которые Винс поставил передо

мной. Он показался ровно в шесть пятьдесят, а в семь был уже на рабочем месте. Он сразу же занялся делом, взяв в руки поднос и принявшись убирать со стола остатки чьего-то ужина.

Я собралась с духом и, встав со стула, направилась к нему.

– Привет, – произнесла я.

Бекетт оглянулся через плечо. Потом оглянулся еще раз. На мгновение в его темно-синих глазах зажглась искорка. Потом он нахмурился и вернулся к работе.

– Что ты тут делаешь? Так понравилась паста, что теперь жить без нее не можешь?

– Мне надо с тобой поговорить.

– Я только пришел. У меня не будет перерыва до девяти.

– Да, но тут почти никого нет, – заметила я. – И у меня к тебе важное дело.

Закончив убирать со стола, Бекетт выпрямил спину и бросил нерешительный взгляд на управляющего, который болтал с Винсом за барной стойкой.

– Дай мне секунду, – сказал он и мотнул подбородком в сторону столика на двоих в дальнем углу. – Я сейчас подойду.

Я кивнула и села за стол. В стаканчике мерцала свеча. Подошла Дарлин и убрала второй комплект приборов. Она как раз рекомендовала мне суп с пастой и фасолью, когда на второй стул опустился Бекетт.

– Привет, Дар!

В этих простых словах и улыбке Бекетта сквозила нежность.

– Привет, *дар*-огой, – проворковала она и заговорщицки мне улыбнулась, прежде чем уйти.

– У меня всего пять минут, – сказал он.

– Я заказала суп, – выпалила я.

Бекетт нахмурил темные брови – они отличались по цвету от его светлых волос.

– Мне тебя с этим поздравить?

Я покачала головой, чувствуя, как к щекам приливает краска.

– Я просто не знала, хочешь ли ты есть. Заказать тебе что-нибудь?

Он нахмурился еще сильнее.

– Я же работаю. Теоретически. Почему ты до сих пор в Нью-Йорке? Я думал, тебе пришлось вернуться в Вегас.

– Я собиралась вернуться. Но я не хочу этого делать.

У меня внезапно пересохло в горле. Бекетт смотрел на меня, как на инопланетную форму жизни, причем вражески настроенную. «*Ничего не получится*», – подумала я, а потом задалась вопросом, действительно ли мне это нужно. Может быть, он та еще сволочь. Возможно, Дарлин и Винс ошибались насчет него. Не исключено, что мое первое впечатление тоже было неверным. Обычно, когда дело касалось новых знакомств, инстинкты меня не подводили, но, кто знает, вдруг на этот раз они дали сбой – как и все остальное в этой

кошмарной поездке.

Но заглушая все мысли о Бекетте, мои инстинкты кричали, что я должна остаться в Нью-Йорке. В Вегасе мне было нечего делать, а мысль о возвращении в Филадельфию казалась слишком болезненной. Я знала: мой графический роман хорош. Его могут принять. Мне всего лишь нужно было немного времени, чтобы его подправить. Убедив себя в этом, я немного успокоилась.

Сложив руки на столе, я наклонилась поближе к Бекетту.

– У меня есть предложение.

Бекетт откинулся на спинку стула.

– Слушаю.

– Я хочу быть твоей соседкой по комнате.

У него округлились глаза, и я заметила, как его кадык дернулся под воротником белой рубашки.

– Ты хочешь быть моей соседкой по комнате, – повторил он очень тихим голосом, что прозвучало немного странно.

– Совсем ненадолго, – добавила я. – Не думай, тебе не придется жить со мной целый год. Месяц, в крайнем случае два, пока я не разберусь со своими делами. А потом я навсегда оставлю тебя в покое.

Он молча смотрел на меня с минуту, показавшуюся мне бесконечностью, а потом моргнул и коротко рассмеялся, словно не веря своим ушам.

– Ты хочешь быть моей соседкой по комнате, – еще раз произнес он.

– Да.

– В моей студии площадью тридцать семь квадратных метров?

– Ну да...

– У тебя не будет личного пространства. У *меня* не будет личного пространства.

– Я изо всех сил постараюсь тебе не мешать.

Бекетт на пару секунд замолчал, задумчиво глядя перед собой, а потом произнес:

– Прости, если разочарую, но я не хочу себе соседей по комнате. Мне они не нужны.

– Но тебе же нужны деньги?

Он сложил руки на груди.

– Черт, мне так чертовски приятно, что ты используешь против меня личные вещи, которые я рассказал тебе вчера.

– Поверь мне, я в более отчаянном положении, чем ты, – проговорила я. – Со времени нашего последнего разговора моя дерьмовая ситуация стала еще хуже. Эти идиоты – мои соседи в Вегасе – сдали мою комнату, ничего мне не сказав.

Я протянула руку под стол и извлекла оттуда мусорный пакет.

– Вот полюбуйся. Тут все вещи, которые у меня остались в этом мире.

Бекетт посмотрел на пакет, и я заметила, как его взгляд смягчается – но всего лишь на пару мгновений. Я засунула пакет обратно под стол между своих ног.

– Я говорю это не для того, чтобы на тебя надавить, – продолжила я. – Просто смотри: мы оба в фиговом положении. И мы можем друг другу помочь. Вот он, способ.

Бекетт постучал пальцами по столешнице, а потом махнул головой, словно прогоняя непрошеную мысль.

– Ты меня не знаешь, – тихо проговорил он. – Совсем.

– Кое-что я все же знаю. Я про тебя спрашивала...

– Ты про меня *спрашивала*? – Он наклонился еще ближе ко мне, повышая голос. – Кого же?

Я отодвинулась назад.

– Винса. И Дарлин.

Как по команде, к столику подошла Дарлин и поставила передо мной суп.

– Держи, милая.

– Она спрашивала тебя обо мне? – обратился к ней Бекетт.

– Было такое. – Дарлин потянулась к нему рукой и ущипнула за щеку. – Я сказала, что ты прекрасный образец мужской привлекательности.

Бекетт тут же покраснел, а я беззвучно застонала.

– Нет, – произнесла я, чувствуя, что к моему лицу тоже приливает краска. – Скажи лучше, что еще ты мне рассказывала.

Дарлин вздохнула.

– А, да. Я говорила, что ты один из немногих по-настоящему хороших людей, оставшихся в этом мире. Один из лучших.

Она наклонилась ко мне поближе, словно собиралась рассказать секрет.

– Он пытается держать это в тайне, но у него очень плохо получается.

Подмигнув Бекетту, Дарлин удалилась, оставив его безмолвно смотреть ей вслед.

Я глотнула колу, пытаясь скрыть улыбку.

– Конечно, это не полицейская проверка, но Винс сказал то же самое. Может, чуть другими словами.

– А.

Бекетт откинулся на спинку стула, по-прежнему держа руки сложенными на груди. На его лице не читалось никаких эмоций.

– А что еще выяснилось при твоей полицейской проверке? Пожалуйста, просвети меня.

Я вздохнула и отодвинула от себя стакан.

– Прости. Я не хотела лезть в твою жизнь. Просто я девушка, а ты парень... – Я пожала плечами. – Для девушки, оказавшейся в незнакомом городе, ставки немного выше, согласен?

– А как насчет моих ставок? К кому мне обратиться, прежде чем пускать в дом незнакомку? У кого запросить твою характеристику? Может, у этих твоих соседей-идиотов из Вегаса?

– Ты прав, – согласилась я. – Seriously, ты абсолютно прав. У тебя есть ручка?

Он моргнул, а потом издал саркастичный смешок.

– Ручка? Найдется, почему бы и нет.

Он порылся в кармане фартука, который был частью его формы, и извлек оттуда шариковую ручку.

Подтянув к себе салфетку, я написала на ней имя и номер телефона, а потом подвинула ее обратно на другую сторону стола.

Бекетт взял салфетку в руку.

– Тео Флетчер.

– Начальник тату-салона в Вегасе, где я работала. Он может за меня поручиться.

Бекетт еще с минуту буравил меня изучающим взглядом, после чего бросил салфетку на стол и потер глаза рукой.

– Слушай, Зельда, мне правда жаль, что обстоятельства сложились для тебя так дерьмово, но жить со мной... Это не выход.

Под столом я сжала руки в кулаки.

– Это единственный выход, который у меня есть, и при этом мы оба окажемся в выигрыше. Ты же сам говорил мне попробовать еще раз, не помнишь?

– Когда?

– Вчера вечером. Я сказала, что попыталась и облажалась, а ты ответил: *«Попытайся еще раз»*.

Я наклонилась вперед.

– Я не могу оставаться в том хостеле. Там шумно и небезопасно, а мне нужно работать над романом. Мне нужно пе-

переработать его, чтобы *попытаться еще раз*. Я знаю, что если сейчас уеду отсюда, то больше не вернусь. А если вернусь, то очень нескоро. Я чувствую, что я стою на пороге чего-то нового. Мне всего лишь нужно немного времени, а тебе нужно немного денег.

Я закусила губу.

– Разве не так?

– Забудь о том, что тебе сказала Дарлин, Зельда. – Теперь в голосе Бекетта звучала тяжесть. – Тебе нужно говорить не с ней, а с моим инспектором по условно-досрочному освобождению.

Я отодвинулась назад.

– С твоим инспектором?

Бекетт понаблюдал за проступившим на моем лице шоком, горько и обреченно улыбаясь поджатыми губами, а потом поднялся из-за стола.

– Был рад с тобой поговорить. Мне пора возвращаться к...

– Постой! – крикнула я. – Подожди... пожалуйста.

Бекетт замер в нерешительности, но все же опустил обратно на стул. Я не знала, что сказать и как задать следующий вопрос. Мой суп, стоявший между нами, остывал, а Бекетт стучал пальцами по столу.

Наконец он сказал:

– Вооруженное ограбление.

– Вооруженное ограбление, – повторила я. – Значит... у тебя был пистолет.

– Да, – подтвердил он, буравя меня холодным взглядом. – У меня был пистолет. И маска. Как у плохих парней в кино.

Я не знала, что на это ответить. Мне было страшно задавать новые вопросы, потому что его ответы могли лишь ухудшить ситуацию и отправить меня обратно в Вегас.

– Ладно.

– И все?

Бекетт подвинулся на стуле и заговорил. Его слова сочли сарказмом.

– Может, ты ответишь «*ладно*», если я расскажу, что пришел грабить особняк в Верхнем Ист-Сайде с тремя другими парнями? И что хозяева – муж и жена – рано пришли домой и напугали нас? А мы явно до хрена напугали их. Если точнее, мы настолько напугали их своими пистолетами и масками, что мужчина упал замертво от сердечного приступа.

У меня сжался желудок. Хлеб, который я съела, застыл внутри меня куском цемента.

– Он умер?

– Конечно, умер, – ответил Бекетт. – Нас не осудили за убийство, несмотря на старания окружного прокурора. У мистера Джохансэна был повышенный холестерин, а еще он незадолго до этого переболел ангиной, бла-бла-бла, так что в этом отношении нам повезло.

Слова Бекетта были насквозь пропитаны горечью. На самом деле он явно не считал, что ему в чем-то повезло.

– В общем, я принял участие в ограблении, случайно убил

человека и отсидел два года в тюрьме. Как тебе такое? До сих пор считаешь, что я идеальный сосед?

Я слабо рассмеялась.

– В интернете я видела объявления и похуже.

Бекетт уставился на меня.

– Прости, – сказала я. – Постоянно глупо шучу в самые неподходящие моменты.

– Ты шутишь, – проговорил Бекетт. – То есть тебя совсем не беспокоит то, что я тебе рассказал? Как насчет моей судимости? Как насчет того, что я убил человека?

– Ты не убивал его, – сказала я. – Тот мужчина умер, но ты его не убивал. Ты же не замышлял убийство. Просто так сложились обстоятельства. Ты не хотел...

– Не имеет значения, чего я *хотел*, – произнес Бекетт. – Важно только то, что случилось. Тот мужчина умер. А если бы мы не пришли грабить его дом, он был бы жив. Конец истории.

– Но ты переживаешь из-за того, что произошло, – проговорила я, чувствуя себя человеком, свисающим с края утеса и отчаянно цепляющимся за камни, чтобы не упасть. – Ты же не...

Взгляд Бекетта стал ледяным.

– Я из-за этого *переживаю*? Я чувствую себя...

То, что я сказала, настолько его обескуражило, что он не смог подобрать слов. Я поняла, что все испортила, еще до того, как он сказал:

– Этот разговор окончен.

Он поднялся на ноги, но в этот раз я его не остановила. Я осталась сидеть в одиночестве, так и не притронувшись к своему супу. Я чувствовала себя окончательно разбитой.

«Может, и хорошо, что так получилось, – думала я. – Вооруженное ограбление – это плохо. Два года в тюрьме – это плохо. Я его совершенно не знаю; глупо было надеяться, что из всего этого что-то выйдет».

Только вот Бекетт казался мне не опаснее тех незнакомцев, у которых я пару часов назад пыталась снять комнату. И он явно сожалел о своем преступлении. Когда он говорил, в его остекленевших глазах блестела боль. Я уже видела такой взгляд – в каждом зеркале, в которое смотрелась. Я почувствовала груз ответственности на его плечах, потому что носила на своих точно такой же.

Возможно, по этой причине я до сих пор чувствовала себя рядом с ним в безопасности и совсем не боялась того, что он совершил.

Или, возможно, ты так отчаянно хочешь остаться в этом городе, что готова смыть осторожность в унитаз и жить в одной комнате с преступником.

Но никакие «возможно» больше не имели значения. Мое предложение было Бекетту неинтересно. Вселенная явно предупреждала меня не совершать очередной страшно тупой поступок.

Дарлин снова подошла к моему столику, чтобы перелить

суп в контейнер.

– Ну что, у тебя тоже не получилось? – Она печально надула губы и цокнула языком. – Вот облом. Но ты молодец, что попыталась.

– Да, я попыталась, – пробормотала я.

Попыталась еще раз. И снова облажалась.

Я подняла взгляд на Дарлин.

– Ты знаешь о... его прошлом?

– О том, что он сидел? Конечно. Он же мой лучший друг. Можно сказать, мы благодаря этому и познакомились. Наш начальник сотрудничает с управлением исправительных учреждений. Он часто нанимает ребят с судимостью. Дает им шанс начать жизнь сначала.

Она заправила за ухо прядь каштановых волос и, опустив взгляд на свои туфли, пожала плечами.

– Мне он тоже дал такой шанс.

– Тебе?

– Да.

Дарлин опустилась на стул напротив меня.

– У меня были проблемы с наркотиками, понятно? Но Бэкс... Он вообще не преступник. У него золотое сердце, я честно говорю.

Она понизила голос.

– Он оказался в плохом положении. В отчаянном. Поэтому совершил глупость, но он страшно об этом сожалеет. Каждую минуту своей жизни.

Она посмотрела куда-то за мое плечо.

– Видимо, мы уже сейчас закрываемся. Начальник говорил, что может так сделать – очень уж плохая погода. Его жена переживает, что может отключиться электричество.

Дарлин встала и махнула рукой.

– В общем, ты еще заходи к нам, ладно? Не позволяй этому дурачку оттолкнуть и тебя тоже.

Я хотела сказать ей, что уже слишком поздно, но какой в этом был смысл? Я все равно видела ее в последний раз в жизни. Взяв со стола портфолио и пакетик с едой, я встала и направилась к двери.

Я вышла из бистро, опустив голову. Я была готова покончить с этой безнадежной поездкой.

На улице дождь лил стеной; капли, ударяясь об асфальт, разлетались сотнями брызг. Я покопалась в своих вещах, сваленных в мусорный пакет, и вытащила из них красно-белый складной зонт.

За моей спиной открылась дверь, и из нее показались несколько ребят, работавших в бистро. Они принялись натягивать капюшоны и открывать зонтики.

– Как я и говорила, начальник решил сегодня закончить пораньше, – крикнула Дарлин, натягивая на голову воротник пальто. – Логично, посетителей у нас все равно не было.

Она широко улыбнулась, стоя под дождем, и теперь, когда я знала про ее проблемы с наркотиками, я увидела отпечаток, который зависимость оставила на ней. Прошное плеска-

лось в ее карих глазах и просачивалось наружу, залегая под ними глубокими тенями.

У меня не было привычки спонтанно обнимать людей, но я вдруг обвила Дарлин руками и прижала к себе.

– Ой, – проговорила она. – Хорошо.

И обняла меня в ответ.

– Береги себя, – сказала я, отпуская ее.

– Спасибо, обязательно. Ты тоже!

Она побежала прочь, и у меня сжалось сердце от того, как сильно она обрадовалась, что ее обняла незнакомая девушка.

Я начала открывать зонт, и в этот момент из-за двери появился Бекетт с велосипедом на плече. Он бросил на меня взгляд, опуская велик между нами, и натянул на голову капюшон вет-ровки.

– Ты промокнешь насквозь, – ровным тоном заметила я.

– Все нормально, – ответил он.

Тем не менее я заметила, как он обвел улицу взглядом и обреченно вздохнул.

– Мы уезжаем с одной станции, так ведь?

– Да, похоже, что так.

Я открыла зонт и, придвинувшись к нему, попыталась заслонить от дождя нас обоих. Из-за его чертова роста дотянуться оказалось непросто.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Господи, ну ты и каланча, – пробормотала я. – У меня руку сводит, слишком высоко тянуться. На, держи.

Я протянула ему зонтик.

– Я повезу велосипед, а ты укрывай нас от дождя.

Он наконец взял зонтик, который я совала ему в руки. От меня не скрылась легкая улыбка, которая тронула губы Бекетта, когда я положила руки на руль велосипеда и зашагала вперед, толкая его между нами. Бекетт поднял зонтик повыше, заслоняя нас обоих от основной массы дождя.

Хотя ливень хлестал что было сил, ветер успел утихнуть. На нас не дуло со всех сторон, но капли по-прежнему стучали по моему зонту громко и неумолимо. Мы быстро шагали по темным и пустым улицам, пока не добрались до станции Астор. Бекетт отдал мне зонт и потащил велосипед вниз по лестнице.

Горстка промокших людей в ожидании поездов разбрелась по обеим платформам. От их зонтов и пальто на полу растекались лужи.

– Спасибо, что не дала промокнуть, – сказал Бекетт.

– Без проблем, – отозвалась я. – Тогда до встречи. Хотя встреч больше, видимо, не будет.

– Ага, – с тяжестью в голосе проговорил он. – До встречи.

У основания лестницы мы разошлись в противоположных направлениях: его поезд прибывал на другую сторону от путей. Я смотрела, как Бекетт везет свой велосипед, подходя к краю перрона, к которому уже подъезжал поезд. В следующую секунду вагон заслонил от меня его фигуру. Отрезал нас друг от друга.

Что ж, вот и все.

Внутри моих ног словно образовалась пустота, и я побрела к круглой бетонной скамейке, стоявшей на моей платформе. Мне нужно было присесть и дожидаться поезда, чтобы он вернул меня в хостел, в Вегас, в прошлую жизнь, совершенно отличную от той, которую мне хотелось бы прожить.

Поезд, остановившийся у другой платформы, тронулся с места и поехал в сторону Бруклина.

Бекетт по-прежнему стоял на перроне.

К моему горлу подступил комок, и я застыла, не в силах сдвинуться с места. Я могла лишь смотреть, как Бекетт идет к моей платформе, везя за собой велик. Он опустил на круглую скамейку рядом со мной, оперев велосипед о колени и наполовину отвернувшись в другую сторону.

Спустя пару секунд он сказал:

– Пистолет не был заряжен.

– Понятно, – сказала я.

– Друг дал мне его перед взломом. Я сказал, что он мне не нужен и я не хочу иметь его при себе, но друг настаивал: это на всякий случай. Чтобы можно было припугнуть того, кто попытается нам помешать.

Его взгляд потяжелел от воспоминаний.

– Это сработало.

– Понятно.

– Но то, что пистолет не был заряжен, ничего не меняет. С точки зрения закона это вооруженное ограбление, – продол-

жил он, а потом посмотрел мне прямо в глаза. — Я не хотел, чтобы пострадали люди. Никогда не стал бы этого делать.

Я не знала, что ответить, поэтому сказала правду.

— Я верю тебе.

Лицо Бекетта немного расслабилось.

— То, что я сделал... Это была адская глупость.

Я кивнула.

— Ну, а я бросила все и приехала за четыре тысячи километров в незнакомый город без какого-либо запасного плана.

Бекетт усмехнулся.

— Это не совсем одно и то же.

Я не смогла спасти сестру.

— Пусть так, — сказала я. — Но все мы совершали ошибки, разве нет?

Он несколько долгих секунд не отрывал от меня взгляда своих темно-синих глаз и наконец кивнул. Мне показалось, что за это время он смог рассмотреть мое сердце и теперь соглашался с тем, что там увидел.

— Они должны были в него влюбиться, — проговорила я, чтобы объяснить боль, звучавшую в моем голосе. — В мой графический роман. Я не сомневалась, что они влюбятся в него, но этого не произошло. Разве это не адская глупость?

Бекетт опустил взгляд на велосипед, прислоненный к его ноге. Он провел рукой по раме, и в моем воображении возникла зарисовка: маленький мальчик с растрепанными светлыми волосами гладит любимого пса. Друга, который ла-

стился к его ноге и лаял от радости, когда он возвращался домой из школы. Только вот однажды он не вернулся.

Эта сценка постепенно исчезла из моего сознания, и я снова увидела молодого человека, сидевшего рядом. Скучал ли по нему кто-нибудь, пока он сидел в тюрьме? Мне хотелось это узнать. Ждал ли кто-то, когда он выйдет на свободу? Были ли у него родственники, которым он – так же, как и я – не мог спокойно посмотреть в лицо?

– Я не хочу больше продавать пластинки, – произнес он, вырывая меня из размышлений.

– Я не хочу возвращаться в Вегас.

На станции остановился еще один поезд и уехал прочь. Мы молчали.

– Я живу в квартире-студии, – наконец произнес он. – Никаких стен, никакой спальни. Никакого личного пространства. Диван крохотный и не раскладывается.

От этих слов в моей груди разлилось неожиданное тепло. Внутри меня загорелась надежда.

Я заговорила – так спокойно и небрежно, как только могла:

– Я думала купить надувной матрас. Ну, такой, который можно будет убирать днем, чтобы он не занимал место.

– Хорошая мысль.

– И я понимаю, что четырехсот долларов не хватит, чтобы покрыть половину аренды, но я в ближайшее время найду работу и отдам тебе остальное.

– У тебя даже нормальной кровати не будет, – сказал он. – Четырехсот долларов хватит.

– Это половина арендной стоимости? Я хочу платить половину...

– Практически половина.

Я подождала, пока он скажет что-нибудь еще. Он молчал, поэтому я заговорила сама:

– От меня не будет много шума. Я не слушаю громкую музыку – только в наушниках. Я буду ходить на работу и исправлять свой графический роман. Постараюсь тебе не мешать.

Бекетт кивнул.

– Отопление почти не работает, хотя я уже много раз просил хозяина его починить, – сказал он. – Ты будешь мерзнуть. Сильно.

– Я не боюсь холода.

– С понедельника по пятницу я работаю курьером по десять часов в день, – продолжил Бекетт, водя пальцами по куточку желтой металлической рамы велосипеда. – По вечерам пятницы и субботы у меня смены в ресторане, но в воскресенье – завтра – у меня выходной. По воскресеньям я делаю, что хочу. Если ничего не хочу делать, не делаю ничего. Я смотрю американский футбол, слушаю музыку – на проигрывателе, не в наушниках – или сплю.

Я кивнула.

– Я не буду тебе мешать.

– Тебе придется познакомиться с Роем – моим инспектором, – произнес он, посмотрев мне в глаза.

– Хорошо, – ответила я, не отводя взгляда.

– Мне придется рассказать ему про изменения в своей жизни. Проблем не будет, если ты, конечно, не станешь приводить в квартиру людей, которые прячутся от полиции или имеют дело с наркотой.

– Я здесь никого не знаю, – ответила я. – И я не очень-то общительный человек. Я соответствую всем стереотипам о гиках, повернутых на комиксах, которые ты только слышал в своей жизни.

Бекетт иронично улыбнулся.

– Для гика ты довольно отважная.

– Ради искусства я готова на любые жертвы.

Я протянула ему руку.

– Росси. Зельда Росси.

Он сжал мою руку своей. Она была большой и немного грубой. Теплой. Сильной.

– Бекетт Коуплэнд.

– Приятно познакомиться, Бекетт Коуплэнд.

Когда мы разжали руки, табло у противоположной платформы замигало, сообщая о том, что скоро прибудет следующий поезд.

– Наверное, я сошел с ума, – пробормотал он. – Или это ты спятила.

Он указал на рельсы.

– Это мой поезд. Или... наш?

К перрону подходил *наш поезд*.

Я ехала в Бруклин с Бекеттом Коуплэндом.

5. Бекетт

30 ноября

Выйдя на станции Клинтон-Вашингтон Авеню, мы увидели, что дождь закончился. От метро до моей квартиры идти было недалеко, и большую часть этого пути мы молчали. Только вот мои глаза говорили довольно много, постоянно мечась в сторону, чтобы увидеть Зельду Росси.

Она была мне по плечо, да еще и горбилась, кутаясь в пальто, но я знал: это от холода, а не от страха или нервов. На ее губах играла тень улыбки, а в ее потрясающих зеленых глазах – когда на них падал свет от фонарей – отражалось то же облегчение, которое чувствовал я сам.

Мы прошли два лестничных пролета и, оказавшись на моем этаже, остановились перед квартирой 2С.

– Точно не хочешь оставить это на завтра? – спросил я, приподнимая пакет, в котором лежал контейнер с супом из ресторана. Она сказала, что зря его заказала.

Она взглянула на пакет и отвела глаза.

– Точно. Видимо, мне стоит на время завязать с итальянской едой.

В ее глазах промелькнула тень грусти. Точно так же, как прошлым вечером, когда она сказала, что у нее поблизости нет родственников.

Видимо, миссис Сантино слышала наши голоса, потому

что дверь квартиры 2С открылась, едва костяшки моих пальцев успели к ней прикоснуться.

– Здравствуйте, миссис Сантино! – произнес я. – Надеюсь, вы сегодня не против поесть супа?

Она ничего мне не ответила, только подозрительно прищурилась, глядя на Зельду.

– Пфф, – фыркнула она, после чего выхватила пакет из моей руки и захлопнула дверь.

Я бросил взгляд на Зельду.

– Я знаю, что глубоко внутри она испытывает благодарность.

Зельда тихо рассмеялась.

– Вчерашняя еда тоже досталась ей? – спросила она, пока я катил велосипед к квартире 2Е.

– Я стараюсь приносить ей еду, когда получается, – сказал я, доставая из кармана ключ. – Не помню, когда и как это началось, но я ни разу не видел, чтобы она выходила из квартиры. Или чтобы туда заходил кто-то другой. Правда, я почти каждый день работаю по десять часов, но...

Я пожал плечами.

– Когда бы я ни зашел, она не спит, и она всегда берет то, что я ей приношу. Видимо, ей это нужно.

– Это весьма мило с твоей стороны, Коуплэнд.

Открывая дверь, я бросил на Зельду взгляд. Тень грусти пропала из ее глаз. На смену ей пришла нежность. Какое-то мечтательное выражение, из-за которого я стукнулся колен-

кой о велосипед, пока перекатывал его через порог.

– Вот мы и на месте? – спросила она, следуя за мной.

– Вот мы и на месте, – подтвердил я.

Теперь отступать было поздно. Когда я согласился, чтобы Зельда сюда переехала, я либо спас свою задницу от проблем с оплатой аренды, либо совершил громадную ошибку.

Либо впустил в свою жизнь что-то очень хорошее.

Я выбросил эту мысль в подъезд и закрыл дверь. Вчера в письме для миссис Джей я написал правду. Я не заводил серьезных отношений с женщинами. Зельда будет для меня всего лишь соседкой. Поживет здесь пару недель, а потом съедет.

Она молча осматривалась в квартире.

«Это все, что у меня есть, – думал я. – Сама решай, подходит ли это тебе».

Я скрестил руки на груди, ожидая, что она скажет что-нибудь саркастичное. Или даже напрямую заявит: *«Нет, из этого ничего не получится»*.

– Что ж, у нас тут будет уютно, – произнесла она и негромко рассмеялась.

– Что смешного-то? – спросил я, надеясь, что не выгляжу обидчивым придурком.

– Нет-нет, ничего смешного, – сказала она. – Просто я так рада. Ты не представляешь, какое это облегчение! Да, квартира маленькая, но здесь *чисто*. Все *убрано*!

Она сунула голову в ванную, находившуюся справа от

входной двери.

– Боже мой! Это же, блин, чудо какое-то!

Она выпрямилась. Ее улыбка сияла ярко, как никогда.

– Знаешь, в Вегасе у нас была общая ванная с одним парнем... Смывать за собой ему не позволяла религия.

– Как же это... мерзко, – сказал я, и сквозь мою напускную холодность прорвался смешок.

– Именно. А одна девица сразу заявила, что не моет посуду. Она готовит, ест и *пользуется* посудой, но не *моет* ее.

Зельда уже стояла на кухне, проводя пальцами по ободранной, но чистой столешнице из термостойкого пластика.

– Кажется, я попала в рай...

– Я не люблю беспорядок, – сказал я, пожимая плечами.

– Я тоже. Можно сказать, что я повернута на чистоте, – проговорила Зельда.

Она подняла большие пальцы вверх.

– Это хороший знак, Коуплэнд!

– Ну да, пока все идет хорошо, – признался я. – Только я не знаю, где ты будешь спать сегодня ночью. В это время надувной матрас нигде не купишь.

Она сделала шесть шагов, отделявших ее от дивана.

– Я маленькая. Помещусь и тут. Тем более это только на одну ночь.

– Уверена?

Я потер шею. Она начинала болеть от одной мысли о сне на этом старом, обшарпанном диване.

– Я хорошо умею приспосабливаться к новым условиям, – сказала Зельда.

Ее взгляд упал на стол перед окном и задержался на нем.

– Да, ты можешь работать за этим столом, – сказал я, подходя к нему, чтобы убрать бумаги и древний ноутбук, который уже давно дышал на ладан.

В глазах Зельды разлилось какое-то странное счастье. Она подошла к поцарапанному столику и положила на него портфолио.

– Идеально. – Она посмотрела на меня. – Это просто идеально.

– Я рад, – произнес я.

Это было правдой. После того как я отсидел два года из положенных пяти, судья выпустил меня за хорошее поведение. Он сказал, что я выплатил свой долг перед обществом, но я был с ним не согласен. Мне предстояло возместить еще очень многое.

Между нами сгущалась тишина. Зельда перевела взгляд на мои пластинки, вертикально стоявшие у стены между столом и телевизором, а потом опустилась рядом с ними на колени.

– Можно посмотреть?

– Конечно.

– Обычно я не слушаю такую старую музыку, – проговорила она, рассматривая мою коллекцию. – С музыкальной грамотностью у меня все плохо. Если песню сейчас не крутят

на какой-нибудь радиостанции с альтернативной музыкой, я, скорее всего, ее не знаю.

Она вдруг замолчала и вытянула одну из пластинок.

– Постой-ка... А вот этот альбом я знаю.

Она повернула его ко мне. «Parallel lines» рок-группы Blondie.

– «One way or another» можно считать заглавной песней к моему графическому роману.

– Правда?

– Ага. Действие происходит в будущем, поэтому для моей героини это что-то вроде классической музыки. Она слушает эту песню, чтобы настроиться.

– На что?

– На то, чтобы вернуться в прошлое и наподдать плохим парням.

– А, ну конечно.

Она снова повернула альбом к себе, чтобы прочитать аннотацию.

– «*I'm gonna getcha, getcha, getcha*», – тихонько пропела она, не попав ни в одну ноту, и рассмеялась сама над собой. – Как-то так.

Она взглянула на альбом еще раз, а потом поставила его ровно на то же место, где взяла, и выпрямила спину.

– Да, Коуплэнд, все это просто идеально. Наверное, для меня в большей степени, чем для тебя.

– Это хорошее решение для нас обоих, – проговорил я.

– Мне все-таки кажется, что я получаю больше преимуществ. А еще, я лишаю тебя личного пространства.

– Я два года делил с другим парнем камеру в два метра длиной и один шириной. Я думаю, эти пару месяцев я тоже как-нибудь продержусь.

«Отлично, – подумал я. – Пытаешься ее успокоить и при этом напоминаешь, что сидел в тюрьме».

Она обхватила себя руками, хотя все еще была в своем теплом пальто.

– Тогда хорошо. Наверное, мне нужно позвонить моему прежнему соседу. Сказать, что планы поменялись.

– А я позвоню Роя. Моему инспектору. Ему надо будет с тобой познакомиться.

Она слабо улыбнулась.

– Ладно.

Доволен, придурок? Ты ее напугал. И уж точно лишил ее того хрупкого равновесия, в которое она привела себя, осматривая квартиру. Хотя, возможно, это было к лучшему. Я не хотел, чтобы она жила в страхе, но, пожалуй, ей стоило помнить, кем я являюсь.

А главное, тебе самому стоит помнить, кем ты являешься.

Зельда присела на диван, чтобы позвонить своим, а я пошел на кухню и набрал Роя. Звонок перешел на автоответчик, и я оставил сообщение, торопливо и тихим голосом.

«Привет Рой, это Бекетт. В общем, ты оказался прав, ко-

гда говорил, что с арендой в этом месяце придется трудно, поэтому я нашел соседку по комнате. Максимум на пару недель. Я знаю, что тебе нужно с ней познакомиться, так что позвони, когда будет удобно. Спасибо».

Я уже хотел закончить звонок, когда меня вдруг охватило какое-то странное чувство. Непривычное тепло.

«Это Зельда», – добавил я в конце сообщения и положил трубку.

Я немного посидел, глядя на свой телефон, а потом повернулся к Зельде, чтобы посмотреть, закончила ли она разговаривать. Наши глаза встретились, и я улыбнулся ей. Она улыбнулась мне в ответ.

– Я попросила моего соседа отправить мне кое-какие вещи, – сказала она. – Не переживай, там совсем немного. Оставшаяся одежда, тату-машинка и чернила, хотя я не знаю, хочу ли и дальше заниматься татуировками.

– Я могу спросить начальника, нельзя ли устроить тебя в ресторан, – сказал я.

– Спасибо за предложение, но подавать итальянскую еду я тоже не хочу. Завтра начну что-нибудь искать.

– Звучит хорошо.

Напряжение, висевшее между нами, начало разряжаться и сменилось неловкостью. Мы были двумя незнакомцами, пытавшимися разобраться со своей жизнью. Я хотел сделать что-то еще, чтобы ее успокоить, но что я мог сказать? *«Обещаю, что не трону тебя, пока ты спишь?»*

– Я вырубаюсь, – сказала Зельда. – Ты не против, если я умоюсь и лягу спать?

На ее лице проступила неуверенность.

– Или ты сова? Может, ты хотел еще посмотреть телевизор?

– Нет, не хотел. А вот поиграть на аккордеоне собирался. Она изогнула бровь.

– А что, я тебе не говорил? – поинтересовался я. – Я играю на аккордеоне с полуночи до четырех утра.

Я наклонил голову, делая вид, что забеспокоился.

– Это же не будет тебе мешать?

– Ну что ты, как это может помешать? – отозвалась она.

– Надеюсь, ты любишь польки.

– Кто же их не любит!

Зельда рассмеялась и сняла пальто. Я решил, что и то, и другое – хороший знак. Она начала расслабляться. Обжигаться. Смеяться над моими глупыми шутками.

Она повесила пальто на крючок у двери и, захватив мусорный пакет со своими вещами, пошла в ванную. Прислушиваясь к звуку бегущей воды, я принялся снимать рабочую одежду так быстро, как только мог. Между комнатой и коридором не было двери, поэтому нас разделяла только дверь в ванную. Вероятность, что меня застукают полуголым, возросла с нулевой до высокой. Я натянул пижамные штаны и толстовку. Вода по-прежнему текла. Хорошо. А потом я вдруг понял, что диван не готов к тому, чтобы на нем кто-

то спал.

– Черт.

Я порылся в крошечном комоде, стоявшем рядом с кроватью, и извлек оттуда старое синее одеяло – чистое, хотя и немного попахивающее плесенью – и маленькую декоративную подушку, появившуюся у меня неизвестно когда. Я как раз укладывал все это на диван, когда из ванной вышла Зельда. Она переоделась в легинсы, носки и мешковатую толстовку, зачесала волосы наверх и нацепила на свой маленький носик квадратные очки в черной оправе.

«Отлично, – с сарказмом подумал я. – Как же я рад, что она нисколько, блин, не соблазнительна».

– Я положила кое-какие вещи в шкафчик под раковиной, – сказала она. – Надеюсь, ты не против.

– Конечно, не против. Ты теперь здесь живешь.

Эти слова повисли в воздухе между нами.

– Да, видимо, так и есть, – через пару секунд произнесла она. – Только я тебе еще не заплатила...

– Завтра – первое число, – сказал я. – Вот как раз и заплатишь.

Я указал на одеяло.

– На этом диване не очень-то удобно спать. Надеюсь, этого одеяла хватит.

– Все прекрасно, – сказала Зельда.

Она положила очки и телефон на кофейный столик, а потом легла и зарылась под одеяло.

Я подошел к выключателю у двери.

– Тебе удобно?

– Да. Спасибо.

Я щелкнул по выключателю, в темноте пересек комнату и залез в кровать. Пространство между нами было настолько маленьким, что я видел слабую улыбку на губах Зельды. Ее подбородок еле-еле выглядывал из-под одеяла, а глаза уже начали закрываться.

– Я так устала, – тихонько произнесла она. – Только сейчас поняла, какими утомительными были эти дни.

– Я понимаю, о чем ты, – отозвался я, вспоминая напряжение, которое так долго обвивало мои внутренности, сжимая и выкручивая их.

Завтра мне хватит денег, чтобы оплатить аренду. На самом деле, благодаря четырем сотням Зельды я смогу впервые за много месяцев вздохнуть спокойно. Смогу оставить себе альбомы – не говоря уже о собственной крови. Мне больше не придется стараться изо всех сил, чтобы удержаться на плаву. Можно будет расслабиться. Хотя бы ненадолго.

Уже сейчас воздуху было легче проникать в мои легкие и выходить из них. И мне захотелось поблагодарить ее за это. Захотелось сказать что-нибудь – что угодно, – чтобы она поняла, что тоже может расслабиться. Что может перевести дыхание и поразмышлять, не беспокоясь, что ее могут ограбить или отвергнуть.

– Доброй ночи, Коуплэнд, – сказала Зельда сонным голо-

сом. – Спасибо, что согласился на этот безумный план.

– Он пойдет на пользу нам обоим.

– Ага.

– Слушай, Зельда...

– Хм?

Она уже почти провалилась в сон. Она ничего не боялась. Такая храбрая девчонка. И сильная. Я улыбнулся себе под нос.

– Ничего. Доброй ночи, – сказал я и тоже закрыл глаза, слушая чье-то дыхание кроме своего собственного.

6. Зельда

1 декабря

Я проснулась с затекшими руками и ногами – и полусонными мыслями. Я лежала на диванчике Бекетта Коуплэнда, в Самой Удобной Позе на Свете (так я ее называла) – свернувшись в клубочек на боку, обнимая подушку и закутавшись в одеяло. Я не ставила будильник, который мог бы заставить меня сдвинуться с места; так что я зарылась поглубже и, приоткрыв глаза, скользнула взглядом по крошечной квартире в сторону моего спящего соседа.

Бекетт лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку. Я видела лишь его лоб, но на нем не было и следа напряжения. Во сне Бекетт не хмурил брови и выглядел гораздо более умиротворенным, чем когда бодрствовал.

– Загадочный Мужчина, – прошептала я себе под нос. Герой, который приносит соседям еду, отдает бездомным деньги, скопленные на оплату аренды, и пускает в квартиру совершенно незнакомых людей. У него нет никаких суперспособностей, кроме простой широты души.

А еще он отсидел два года в федеральной тюрьме за вооруженное ограбление.

На секунду мое спокойствие пошатнулось, но тут же с легкостью набрало силу и укутало меня, словно одеяло Бекетта. Я погрузилась в него поглубже и снова уснула.

Некоторое время спустя моих ноздрей коснулся запах кофе, возвращая меня к реальности. Я моргнула и присела. Бекетт стоял на кухне и колдовал над кофеваркой.

– Прости, если разбудил, – сказал он.

– Нет-нет, все хорошо. Занимайся делами. Притворимся, что меня тут нет.

– Нет уж, так дело не пойдет, – мягко сказал он, а потом откашлялся. – Что ж, могу я предложить тебе кружку притворного кофе?

Я широко улыбнулась.

– Без сливок, пожалуйста.

Я отбросила одеяло и, поежившись, сделала пять шагов, которые отделяли меня от кухонного столика.

– Бесплезный кусок металла, – проговорил Бекетт, вручая мне чашку, и бросил осуждающий взгляд на старенький, облупившийся белый радиатор под окном. – Тепла от него хватает, только чтобы не замерзнуть до смерти.

– Хозяин в курсе?

– Кажется, я раз или два упоминал ему об этом, – слегка улыбнувшись ответил Бекетт.

– Нам нужно сообщить ему, что я тут живу?

– Лучше не надо. А то он наверняка захочет поднять стоимость аренды.

– Кстати, сколько стоит аренда?

Бекетт не торопясь отхлебнул кофе.

Я поставила кружку на стол.

– Я хочу платить половину. Неважно сколько. Будет честно, если мы поделим цену пополам.

– Мы уже обсудили твой финансовый вклад, учитывая тот факт, что у тебя нет *кровати*, – произнес Бекетт. – Четыреста баксов. Это последнее предложение.

Я хотела возразить, но по выражению лица Бекетта поняла, что это бесполезно.

– Ладно.

Я подошла к дивану и опустила руку в стоявший рядом мусорный пакет со своими вещами. Нащупав кошелек, я достала оттуда четыре из последних семи сотенных банкнот. Когда я положила их на кухонный столик, Бекетт посмотрел на них так, словно это был грязный подгузник.

– Спасибо, – пробормотал он, сгреб купюры и засунул их в карман. – Так. Тебе нужен надувной матрас, правильно?

– Было бы здорово, если бы ты подсказал мне хорошее место, где его можно купить.

– Без проблем.

Мы открыли мой ноутбук за столом у окна. Бекетт показал мне магазин спорттоваров и объяснил, как ходят бруклинские автобусы. Он сидел, наклонив голову близко к моей. От него пахло кофе, теплом и мужественностью.

«*Прекрати, Росси*», – приказала я себе. Раньше мое одиночество, длившееся больше года, дремало и меня не тревожило. Но стоило мне оказаться в непосредственной близости от такого невообразимо красивого парня, как Бекетт, оно

вскочило, словно разбуженное пожарной тревогой посреди ночи. Мысленно встряхнув себя за плечи, я сосредоточилась на автобусных линиях и улицах.

– Отлично, спасибо, – произнесла я, закусывая губу. – Я все поняла.

– По твоему виду не скажешь, – заметил Бекетт.

Я скорчила гримасу.

– Я иду по улице Атлантик до поворота на улицу Вандербильта. Сажусь на автобус В69, который идет в центр, и выхожу на пересечении улиц Вандербильта и Декалб. Я все поняла. Я не совсем беспомощная.

Бекетт нахмурился и бросил взгляд в окно рядом со столом. От начавшегося косого дождика на стекле оставались серебристые капли.

– Наверное, мне лучше пойти с тобой.

Я захлопнула ноутбук.

– Сегодня у тебя выходной, не забыл?

– Не забыл, – отозвался он. – Но тебе же придется закупить все необходимое для того, чтобы здесь обжиться, так ведь? Еду, матрас, наверняка что-нибудь еще. А с завтрашнего дня я буду возвращаться с работы не раньше семи.

– И что?

– И то, что тебе нужно узнать город получше. Сегодня этим и займемся. Ну или хотя бы я покажу тебе наш район.

Я закусила губу.

– На улице дождь. И сегодня у тебя выходной.

– И мне решать, как его провести.

Он покачал головой.

– Боже, какая же ты упрямая.

– Я пыталась быть тактичной! – ответила я, уперев руки в бедра.

Я бросила на него уязвленный взгляд, и он рассмеялся.

– Я понял. Ты из этих девушек.

Я округлила глаза.

– Прошу прощения? Из *каких именно* девушек?

– Которые всегда пытаются все делать сами и не принимают помощь от других.

Я скрестила руки на груди.

– Если я правильно помню, буквально вчера вечером я, забыв о гордости, в эпичной манере просила тебя о помощи.

– Да, но это другое. Готов поспорить на миллион баксов, что, если бы я предложил тебе этот план, ты бы меня поблагодарила, но отказалась.

– Ты недооцениваешь степень моего отчаяния, – сказала я. – И с каких это пор независимость стала плохой чертой?

– В ней нет ничего плохого. Но отказываться от помощи – глупо.

Я принялась буравить его испепеляющим взглядом. Он посмотрел на меня, отвел глаза, потом посмотрел еще раз.

– Ого. Уже давно девушки не бросали на меня таких взглядов.

– Видимо, ты уже давно не называл девушку глупой?

– Я не говорил, что *ты* глупая... Я имел в виду...

Он провел рукой по волосам.

– Слушай, можно я просто провожу тебя до этого гребаного магазина? Матрас будет весить как черт знает что, на улице льет как из ведра, а в автобусах часто ездят не самые приятные персонажи. Не знаю, заметила ли ты вчера, но этот район не похож на центр Манхэттена!

Я стояла поджав губы и все так же держа руки скрещенными на груди.

– Там *не льет как из ведра*.

За окном сверкнула молния, и через мгновение загрозил гром. Косой, мелкий дождик превратился в плотный ливень и застучал по стеклу так, словно хотел пробраться внутрь. Самодовольная улыбка Бекетта жутко раздражала.

Я махнула руками.

– Ладно, поступай как знаешь.

Через двадцать минут мы уже ютились под моим зонтом на автобусной остановке – я в пальто, он – в своей спортивной ветровке. Дождь лил сплошным потоком.

Я взглянула на Бекетта, чувствуя, как меня снова охватывает это надоедливое чувство защищенности, к которому вдобавок приплетается странная смесь эмоций.

Может быть, наверное, вероятно, что-то слегка похожее на чувство вины за то, что ты не давала ему себе помочь?

Мама всегда говорила, что нет ничего важнее благодарно-

сти. «Что бы с тобой ни происходило, даже в самый худший день, найди что-нибудь, за что ты можешь быть благодарна. Тебе сразу станет лучше».

Я еще раз посмотрела на Бекетта, а потом перевела взгляд на укрытую серым небом улицу, вдоль которой в ряд выстроились дома.

– Я привыкла быть одна, – тихо сказала я.

Бекетт стоял так близко, что я почувствовала, как он переступает с ноги на ногу.

– Да, я понимаю, – сказал он. – Я тоже к этому привык.

– В такой ситуации ты учишься поступать определенным образом, – продолжила я.

Мимо нас проехал старый седан с низкой посадкой и проржавевшим капотом.

– Чтобы выжить, – добавила я.

Я подняла на него взгляд. Он посмотрел на меня в ответ, потом отвел глаза и кивнул.

– Я понял.

– В общем, я пытаюсь сказать, что...

– Не нужно, – перебил меня он. – Все хорошо.

Я нахмурилась.

– Мама говорила мне, что благодарность...

– Едет наш автобус, – сказал Бекетт.

Автобус В69 медленно подъехал к нам и остановился; двери с шипением открылись. Бекетт довел меня до передней двери и закрыл зонт.

– После тебя.

Я застыла на месте и смерила его взглядом.

Он вздохнул.

– Всегда пожалуйста, Росси. А теперь поднимайся уже в чертов автобус, пока мы не промокли насквозь.

Я поднялась в чертов автобус.

Бах!

В магазине спорттоваров я выбрала себе одноместный надувной матрас. В сдутом виде он представлял собой толстый резиновый чехол и был упакован в коробку, которая – как и говорил Бекетт – весила как черт знает что. Уже через десять минут у меня заныли все мышцы. Бекетт молча забрал ее из моих отваливающихся рук, закинул на плечо и бросил на меня взгляд, говоривший: *«Даже не думай»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.